

Геннадий Хоминский

ЧЕРНЫЙ ТЮЛЬПАН

Повесть о летчике военно-транспортной авиации

16+

Геннадий Хоминский

«Черный тюльпан».

Повесть о лётчике военно-
транспортной авиации

«Автор»

2019

Хоминский Г. Р.

«Черный тюльпан». Повесть о лётчике военно-транспортной авиации / Г. Р. Хоминский — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-09719-3

«Черный тюльпан» — это словосочетание до сих пор заставляет сжиматься сердца людей, прикоснувшихся к горнилу Афганской войны. Повесть о лётчике военно-транспортной авиации и его экипаже. О боевых буднях и мирной жизни. О любви и страданиях. О дружбе и ответственности. Гибель боевого товарища, внезапная любовь женщины и её жуткая смерть. Первая любовь и предательство. Посадка горящего самолета и награда из рук Генсека. Все спрессовалось и вместилось в короткую жизнь 33-летнего парня. Всем героям, улетевшим в свой последний полет, ПОСВЯЩАЕТСЯ

ISBN 978-5-532-09719-3

© Хоминский Г. Р., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	10
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	27
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Геннадий Хоминский

«Черный тюльпан». Повесть о лётчике военно-транспортной авиации

Глава 1

*В Афганистане, в «чёрном тюльпане»,
С водкой в стакане мы молча плывём над землёй,
Скорбная птица через границу
К русским зарницам несёт ребятишек домой.
В «чёрном тюльпане» те, кто с заданий
Едут на родину милую в землю залечь,
В отпуск бессрочный, рваные в клочья —
Им никогда, никогда не обнять тёплых плеч.
А. Розенбаум*

В кабине мерзко пахло горелой резиной, жжёным металлом, порохом и ещё чем-то непонятным. То ли кислотой, то ли ещё чем. Грохотал по носовой обшивке большой кусок остекления, который болтался на каком-то тросу. Вдруг грохот пропал, и в кабине зашумел воздух; было ощущение, как будто в машине на большой скорости внезапно полностью открыли окно. Свежий воздух резко ворвался в кабину и вытеснил всю прочую вонь. Запахло землёй, травой, чем-то далёким из детства и таким мирным. Я резко повернул голову вправо и увидел, что кусок остекления, до этого барабанивший по железу, исчез. Видимо, лопнул державший его трос. Алексей сидел на своём месте, судорожно, так что побелели кисти рук, сжимал штурвал. По лицу его текла кровь. Она залила ему весь комбинезон, капала на руки и на штурвал. Я сконцентрировал свой взгляд на земле, она была непривычно близка. Но мы не падали, а продолжали планировать. Под нами были виноградники, я хорошо видел убегающие под носовой обтекатель ряды. Видел деревянные столбы, к которым была привязана проволока, видел лозу, плетущуюся между проволокой, видел маленькие зелёные листики. В мозгу пронеслась мысль — нельзя концентрировать своё внимание на отдельных деталях, нужно уметь видеть всю картину целиком.

Глава 2

«Нельзя концентрировать своё внимание на отдельных деталях, нужно уметь видеть всю картину целиком», – я сидел в кабине учебно-тренировочного самолёта Як-52, а мой инструктор по полётам стоял на крыле и читал мне нотацию. Капитан Трофимов, или, как его называли курсанты, – Трофимыч, не умел распекать курсантов. Все его нотации и нравоучения больше походили на задушевный разговор старшего с младшим. «Ты куда глядел при посадке? Ты видел, что выравнивать было ещё рано? – он посмотрел на меня и улыбнулся. – Ты что же, хотел угробить меня и себя? Не удастся, сынок, пока я сижу в задней кабине, ты себя не убьёшь».

Да, мой первый полёт в передней кабине не очень удался. Вроде на земле, на тренажёре, у меня всё получалось достаточно гладко. Правда, тренажёром списанный Як-52, без мотора, без крыльев назвать было сложно. Ты сидишь в кабине, пристёгнутый ремнями по всем правилам, а инструктор стоит на стремянке и даёт вводные. «Высота 30, скорость 160», – я уменьшаю обороты двигателя и тяну немного ручку управления на себя. «Высота 1 метр, скорость 120», – я перевожу двигатель на режим холостого хода и потихоньку отдаю ручку управления от себя. «Всё, посадка. Молодец», – говорит инструктор. Так мы и «летали» на земле, и у всех всё хорошо получалось.

1974 год, сегодня первый полёт в передней кабине. Полётное задание выучено наизусть. Всё просто. Взлёт, полёт по коробочке, посадка. Самое главное – строго выполнить все действия по подготовке самолёта. Обойти его и сделать всё, что написано в Руководстве. Как нам рассказывали курсанты четвёртого курса, это самое сложное. Тут-то и можно нахватать штрафных баллов. Короче, мы все, курсанты третьего курса, учили до тошноты Руководство по лётной эксплуатации самолёта Як-52. Так что любого из нас разбуди ночью и спроси, на какой скорости произойдёт сваливание самолёта в штопор, не раздумывая получали ответ – «130 километров в час, при перевёрнутом полете 180 километров в час». То есть мы все готовились к первому полёту самым серьёзным образом. С утра уже что-то витало в воздухе. Все были непривычно собраны, дисциплинированы. Чувствовалось, что сегодня не обычный день занятий. Сегодня Первый полёт. Волновались все. Это потом сказалось на предполётной медкомиссии. Практически каждый третий был отстранён от полётов – повысилось давление. Повторную комиссию нужно пройти сегодня же, после обеда. Хотя я тоже волновался не меньше других, давление у меня не скакнуло, и врач уверенно шлёпнула печать «Годеи» на листок полётного задания.

– Курсант Колокольников.

– Я.

– К выполнению полётного задания приступить.

– Есть, – и я, чеканя шаг, двинулся к стоящему у края поля самолёту.

«Колокольчик, ни пуха ни пера», – услышал я из строя курсантов, допущенных к полёту в первой половине дня. Те, кого не допустили, бродили уныло по краю поля, поглядывая завистливо в нашу сторону. Вспомнилось, что, когда мы, курсанты первого курса, сидели в учебном классе, с нами занимался командир взвода старший лейтенант Падалко. Кто-то спросил, а все ли мы сможем стать лётчиками? Комвзвода ответил: «Сколько взводов в эскадрилье первого курса? Верно – два. А сколько на четвёртом курсе? Правильно – один. То есть в два раза меньше. Почему? После первого курса отсеется человек 10 – не смогут втянуться в ритм жизни курсанта, начнут проваливаться на общеобразовательных дисциплинах. Затем на третьем курсе, когда начнутся полёты. Кого-то забракует медкомиссия, кто-то сам поймёт, что летать – это не его стихия».

Топая к самолёту почти строевым шагом, я понимал, что из тех ребят, что кучкой стоят на краю поля, кому-то не суждено будет никогда сесть в кабину самолёта. Эти мысли меня

отвлекли от главного, и когда я подошёл к самолёту, то начисто забыл, что нужно делать дальше. Подошёл и стою как пень. Тут техник из взвода обслуживания, что стоял у двигателя, прикрыл рот пилоткой и тихо, но достаточно внятно, так что его было слышно всем, подсказывает: «Доложи инструктору, доложи инструктору». Да, я вспомнил. «Товарищ капитан, курсант Колокольников к выполнению полётного задания готов».

– Вижу, что готов, – Трофимыч улыбнулся, – модель самолёта не забыл?

– Никак нет, Як-52.

– Ну, орёл, летаем?

– Так точно, товарищ капитан, летаем.

– Приступить к подготовке.

– Есть.

В голове моментально всплыли все указания по осмотру самолёта из Руководства, и я, чуть было не рванул осматривать двигатель. Но тут прямо передо мной оказался техник, я почти столкнулся с ним. Он жутким шёпотом, так что было слышно на весь аэродром, прошипел: «Доклад». Я замер и пытаюсь быстро сообразить, что делаю не так. Но тут техник подносит руку к пилотке и бодро говорит: «Товарищ курсант, самолёт Як-52, бортовой номер 074 к вылету готов. Техник старший сержант Васильев». И опускает руку. А я никак не могу сообразить, что должен ответить. В голове крутится устав, Руководство, но ничего приличествующего данному моменту там не находится. И я не придумал ничего лучшего, чем сказать: «Спасибо». Техник хихикнул и громко ответил: «Пожалуйста, рад стараться». Я обернулся на Трофимыча – он что-то записывал в журнал. По его улыбке было видно, что он всё слышал. Вот теперь у меня всё, что написано в Руководстве по осмотру самолёта, напрочь вылетело из головы. Штрафные баллы обеспечены, подумал я и отправился вместе с техником обходить самолёт. Правда, старший сержант мне помогал. Он останавливался там, где было нужно, и смотрел куда нужно. Я послушно повторял всё за ним. Как собака Павлова, пронеслось в голове. Нужно встряхнуться, нужно собраться. Ведь я не один раз это уже всё проделывал на тренажёре. Пока я пытался встряхнуться и собраться, осмотр уже закончился, и можно было залезать в кабину. Меня била мелкая дрожь. Наверное, от волнения, и я очень боялся, что это заметят и Трофимыч, и техник. Обстановку разрядил Трофимыч, видимо, всё-таки заметивший мою несобранность. Он обратился ко мне просто: «Паша, на какой скорости полетим?» Я моментально включился: «170 километров в час, при достижении высоты 300 метров – 180». Почему он назвал меня Пашей? Откуда он знает, как меня зовут? Мысли носились в голове так быстро, что я и не сообразил, что, в полётном задании написано – пилот-курсант Павел Колокольников.

– Ну вот, ты же всё знаешь, чего разволновался.

Да, я в самом деле всё хорошо знал. Вчера на самостоятельных занятиях мы разбирали все этапы полёта. Каждое движение было отработано в голове. А перед этим ещё много раз на «тренажёре». Трофимыч посмотрел мне в глаза пару секунд и скомандовал: «В кабину. И не думай, что я сижу сзади и буду исправлять твои ошибки. Меня нет, ты летишь один». Я улыбнулся ему в ответ. Всё. У меня всё на месте, всё, что я должен сделать, я знаю точно. Дальше всё шло как по маслу. Никаких проблем. Запустил двигатель, вырулил на полосу, взлетел. Полнейшая концентрация внимания на приборах. Обороты, высота, скорость, крен. Изредка, как того требовало Руководство, взгляд на землю. Хотя на земле я так ничего и не увидел, и даже не понял, зачем на неё смотреть. Трофимыча сзади не слышно, может, он точно не сел в самолёт. Мне ведь не было видно. Понимаю, что это полная ерунда. Сидит он в своей кабине и делает пометки в своём журнале. Трофимыч подал голос при первом повороте: «Паша, следи за скоростью, при повороте она падает, а скорость – это жизнь. Как у нас говорят, лучше потерять тёщу, чем скорость в повороте». После третьего разворота понижаю обороты двигателя и начинаю потихоньку снижаться. Теперь приходится всё чаще смотреть на землю, нужно поймать момент начала четвёртого разворота. Увлёкся и не заметил, как снизился ниже 100 мет-

ров. «Высота», – прогремел в наушниках голос Трофимыча, да так неожиданно и громко, что я даже испугался. Глянул на высотомер – лечу ниже 100 метров. Должно быть не менее 150 – вспоминаю Руководство. Плавно беру ручку на себя. Снижение прекращается, потом начинается набор высоты. Это я почувствовал даже без прибора. «Скорость», – снова раздалось в наушниках. Я толкаю вперёд ручку газа и гляжу на указатель скорости: 150. По Руководству не менее 170. Теперь вижу, что стрелка высотометра переваливает за 150. Отдаю ручку от себя, теперь скорость быстренько подбирается к отметке 170 и уверенно собирается её превысить. «Про четвёртый не забыл?» – опять голос Трофимыча. Конечно, забыл. Гляжу на землю и никак не могу найти отмеченные мною ориентиры для начала поворота. Но тем не менее начинаю делать поворот. Гляжу на указатель крена, на шарик указателя скольжения, который никак не хочет лежать в среднем положении, на скорость и высоту. Что-то всё разбегается, и мне никак не удаётся удержать постоянным крен; высота вроде в норме, но скорость выше 170. Выравниваю самолёт и ищу полосу, но что-то её не видно. «Следи за высотой и скоростью, полоса справа. Ручкой вправо, крен 30 градусов, затем выравниваешь, считаешь до трёх и так же влево, – голос Трофимыча был спокоен, – волноваться не надо, делай всё как на тренажёре». Я немного успокоился и сделал всё так, как сказал Трофимыч. Теперь я видел флажки на торце полосы. Она была точно передо мной. Я снова сконцентрировался на приборах. Скорость, высота. Высота, скорость. Очнулся от этого занятия, когда в наушниках снова раздался спокойный голос Трофимыча: «Ты куда собрался лететь, сынок?» Я глянул на землю и вижу, что посадочные флажки уже под нами, а высота ещё 10 метров. «Выполняй всё по Руководству. Посадка с перелётом». Легко сказать «выполняй». Я ручку от себя, как скорость сразу возрастает. Прибираю ручку газа – высота быстро начинает уменьшаться. «Гляди на землю, а не на приборы», – снова голос Трофимыча. Гляжу, трава под нами быстро проносится под крыло.

– Ручку от себя, двигателю малый.

Выполняю; трава, однако, всё быстрее и быстрее уносится под крыло. Чувствую, что ещё мгновение, и самолёт со всего размаха ударится о землю. Беру ручку чуть-чуть на себя.

– Я сказал, от себя, а не на себя.

Я глянул чуть вперёд и увидел кусты, которые росли за торцом полосы. Они быстро летели на нас, а я не мог ничего поделать. Вдруг двигатель взревел на взлётном режиме, ручка сама, больно ударив по коленке, прижалась почти к самому сиденью. Это Трофимыч взял управление в свои руки. «Уход на второй круг, выполняй сам», – голос Трофимыча прозвучал совершенно обыденно, никакого волнения в нем не чувствовалось. Я тоже быстренько успокоился и достаточно чистенько выполнил набор высоты и все повороты. После третьего сбросил скорость и начал снижение. Трофимыч молчал. Поймал ориентир для входа в четвёртый и начал разворот. Всё шло хорошо. «Дальше всё делаешь строго по моим командам», – практически прошептал Трофимыч. И мы сели, вернее, сел я по подсказкам Трофимыча. Вырулил на стоянку, выключил двигатель. Лётный комбинезон на груди был мокрым от пота. Трофимыч вылез из задней кабины и встал на крыло.

– Понял, что произошло?

– Не успел уследить за всеми приборами, – пролепетал я.

– И правильно, всё твоё внимание должно быть на земле. Там и высота, и скорость, и крен.

– Но как же без приборов я узнаю скорость и высоту?

– Узнаешь, я научу. Приборы нужны только до высоты выравнивания, а потом только на интуиции. Овладеешь – будешь летать, нет – ищи работу на земле.

– Не хочу на земле, – почти что по-детски сказал я, – я научусь, обязательно.

– Запомни, самое главное в полёте – нельзя концентрировать своё внимание на отдельных деталях, нужно уметь видеть всё вокруг. Нужно видеть приборы, нужно видеть землю, ориентиры, видеть небо.

Это я запомнил на всю жизнь. Видеть землю и небо, видеть облака. В этом и есть красота полёта. Это то, ради чего многие становятся лётчиками.

Вечером в курилке от вопросов не было отбоя. Уже весь курс знал, что я ушёл на второй круг. Что случилось, что произошло? Это, как я видел, мучило всех курсантов. И тогда на очередной вопрос, что произошло, я ответил: «Ты сколько пробыл в небе?»

– Ну, минут 10.

– А я почти 20.

Потом было много полётов и с Трофимычем, и без него. И днём, и ночью. В хорошую погоду и в сильный ветер с дождём. И на Як-52, и на Ан-26. Время учёбы было спрессовано до предела, дни летели за днями.

И вот я сижу на своей кровати и держу в руках новенькие лейтенантские погоны с голубым просветом. Я это или не я? Как будто всё это произошло не со мной. Я, простой сельский парнишка, видевший самолёты только в кино, никогда не мечтавший стать офицером, стал военным лётчиком. Как? Почему? Зачем?

Глава 3

Тёплая и уже пыльная весна 72-го года. Я болтаюсь возле районного военкомата. Мама сказала, что она встретила своего старого знакомого, Петра Сергеевича, который работает военкомом, и он сказал, чтобы её сынок заглянул к нему. Вообще-то у моей мамы каждый встречный – её знакомый. Неудивительно: всю жизнь она проработала в нашей школе. И она знает всю молодёжь посёлка – все учились у неё русскому языку и литературе. Она знает почти всех жителей посёлка, вернее, тех, кто был папами и мамами её учеников. И вот я околачиваюсь возле военкомата и до сих пор не решил – заходить или нет. Призывной возраст ещё не наступил, да и в военкомат вызывают обычно повесткой, а не просят зайти через маму.

«Паша, ты чего там болтаешься, давай заходи, дело есть», – крикнул в раскрытое окно Пётр Сергеевич. Я его не очень хорошо знаю, живёт он на другом конце посёлка. Захожу во внутрь и оторопел: на входе за столом сидит Людка, в военной форме. Никогда не знал, что она работает в военкомате и носит военную форму. Людка – наша соседка, на два года старше меня. «Паша, привет. Заходи, Пётр Сергеевич ждёт тебя». «Привет», – буркнул я. Настроение почему-то сразу испортилось. Зря пришёл, подумал я. Людка, конечно, красивая девчонка, но парня у неё нет. Я, во всяком случае, никого возле неё не видел – как-то совсем некстати подумал я. Она, конечно, мне нравилась, несмотря на то, что была старше меня. Дверь кабинета раскрылась, на пороге стоит Пётр Сергеевич, в военной форме, полковник. Протягивает руку, поздоровались: «Заходи, Паша, присаживайся. Разговор есть». Я прошёл, сажусь на стул возле стола.

– Как дела, чем занимаешься? – спрашивает меня.

– Да всё нормально, дядя Петя. Вот, к выпускным готовлюсь.

– Чем после школы думаешь заниматься? Работать или учиться?

– Мама хочет, чтобы я поступал в институт.

– В какой? А сам что хочешь?

– Да не знаю ещё точно. Наверное, в институт связи.

– Паша, а ты не думал стать военным? – спрашивает Пётр Сергеевич. У меня даже под ложечкой что-то кольнуло, настолько это было неожиданно.

– Не знаю, дядя Петя, не думал. Мне до армии ещё целый год.

– Знаю, Паша. Но в военные училища набирают с 17 лет. Выучишься, будешь офицером. Зарплата получше, чем у связиста. На пенсию раньше уйдёшь.

– Дядя Петя, мне про пенсию ещё рано думать, – улыбнулся я.

– И то верно, – Пётр Сергеевич улыбнулся в ответ.

– Паша, есть у меня разрядка на одного кандидата в военное училище. Краснодарское высшее военное училище лётчиков. Что думаешь?

– Да вы что, дядя Петя. Я и самолёта настоящего в глаза не видел, какой из меня лётчик.

– Да ты не спеши, Паша. Это ведь я тебе предлагаю из уважения к Вере Николаевне, маме твоей. Она одна живёт, выйдет на пенсию – нелегко ей будет. А тут ты, военный лётчик. Это какая помощь матери.

– Дядя Петя, я вот так сразу сказать ничего не могу, мне нужно с мамой посоветоваться, сами понимаете. Вопрос серьёзный. Вот так всё поломать и уехать.

– Паша, тебе хоть как уезжать из села придётся. Нет у нас здесь института связи. Это, кажется, в Ташкент ехать нужно. А закончишь институт и не захочешь в родное село возвращаться. Где здесь будешь работать? Провода по столбам привязывать? Паша, смотри на вещи

серьёзно. Тебе хоть как придётся покинуть своё село, если, конечно, не захочешь трактористом в МТС¹ работать.

– А что, трактористы тоже люди и на селе очень нужны.

Пётр Сергеевич помолчал с минуту.

– Ладно, Паша, разговор заканчиваем. Думайте с мамой, решайте. Жду тебя через три дня. Если откажешься, найду другого кандидата. Но не хотелось бы. Ты парень хороший, вон даже нашей Людочке нравишься, – улыбнулся Пётр Сергеевич.

От слов о том, что я нравлюсь Людочке, меня бросило в краску.

– Физически крепкий, умный, школу закончишь хорошистом. Кому, как не тебе, поехать в лётное училище на всём государственном довольствии? Из матери не будешь деньги тянуть. В Ташкенте жизнь недешёвая, стипендии не хватит. Да и то – если дадут. Всё, будь здоров. Вере Николаевне поклон.

Я вышел из кабинета, чувствую – лицо горит. Навстречу мне Людка. Улыбается.

– Ну и как, Паша? Пообщались? Вечером выходи на улицу, поболтаем. Пока.

– Пока, – сдавленным спазмом голосом ответил я и быстро вышел на улицу. Чувствую, что Людка смотрит вслед.

Не оборачиваясь, свернул в первый проулок и перевёл дыхание. Уши продолжали пылать, и я испугался, что это заметно со стороны. Потихоньку побрёл в сторону дома. Мысли в голове носились со страшной скоростью. Людочка, Люда, Людка. Предложение Петра Сергеевича. Всё смешалось в какой-то клубок. Я остановился. Попытался немного разобраться, что со мной происходит. Конечно, это Людмила, как называла её моя мама. Чего греха таить – она мне очень нравилась. Невысокого роста, немного коренастая, больше похожа на парня-подростка. С короткой стрижкой, черноволосая. И одевалась в основном как парень. Я не помню её в платье или в юбке. Обычно по улице она проходила в брюках и майке. Или в спортивном трико. Но спортом она не занималась, я, во всяком случае, этого не слышал. Помню её ещё девчонкой. Неудивительно – жили мы через дом друг от друга. И всё босоногое детство проводили в одной компании. Потом она сразу повзрослела, когда пошла в первый класс. Она шла по улице в школьной форме с белым фартуком и белым бантом, который непостижимым образом был завязан у неё на коротко стриженной голове. Позади шла тётя Дуся, её мать, и несла букет цветов. А я стоял возле своей калитки в трусах и потёртой майке и смотрел ей вслед. А она даже не обернулась. На этом наша детская дружба закончилась. Когда через два года я тоже пошёл в школу и встречал Люду в коридоре, она на меня не обращала никакого внимания. Однажды, когда я закончил шестой класс, мы с ней вместе поехали в пионерский лагерь. Попали мы, конечно, в разные отряды, ведь Люда закончила восемь классов и была уже совершенно взрослая девушка. Она была на голову выше меня. Однажды я увидел, как Люда курила за сараем со взрослыми парнями из их отряда, попытался ускользнуть, но она заметила меня, окликнула. Я подошёл. «Если расскажешь матери, башку оторву. Понял? – громко сказала она. – Это мой сосед», – пояснила она своей компании. Когда я закончил восьмой класс, Люда заканчивала школу. Была линейка. Как мне показалось, она была самая красивая из всего выпуска. В нарядной форме, только теперь без банта, с короткой стрижкой. С сильными руками и широкими для девчонки плечами. Она могла любому парню заехать между глаз, если он начал вести себя не так. Потом я её практически не видел. Изредка встретимся на улице. «Привет, Паша», – «Привет, Люда». Я не знал, чем она занимается, где работает или учится. Моей маме она не нравилась. Мы не раз вместе видели, как Людмила загоняла свою подвыпившую мать домой, перемежая свою речь матерными словами. Мама громко вздыхала и говорила: «Яблоко от яблони... Жалко Людмилу, пропадёт девчонка». Она открыто курила, проходя по улице, была какая-то независимая. Парней около неё я не видел. Может, эта её независимость,

¹ МТС – машинно-тракторная станция.

какая-то свобода мне и нравилась. Помаленьку я стал искать встречи с ней. Выглядывал через забор и, когда видел, что она идёт домой, выходил на улицу и шёл навстречу. «Привет, Люда», – «Привет, Паша». На этом наше общение заканчивалось. Но мне всё сильнее хотелось большего. Хотелось поговорить с ней, взять её за руку, вместе с ней сходить куда-нибудь. Я не раз строил планы нашей встречи, готовил слова, которые позволят завести с ней дружбу, будут больше, чем обычное приветствие. Но каждый раз при встрече с ней всё происходило одинаково. «Привет, Люда», – «Привет, Паша». Постепенно я начал думать о ней всё чаще и чаще. Я иногда не мог заснуть, представлял себе начало нашей дружбы, а может быть, и не просто дружбы. А может, я люблю её? Мне становилось страшно, что обо мне подумают мои одноклассники, соседи. Ходит с девушкой старше себя. «Целовать курящую девчонку – всё равно, что лизать пепельницу», – не раз слышал я это высказывание от своих умудрённых опытом друзей. Что они скажут мне при встрече? Душа разрывалась на части. Бросить её, забыть. Тем более что между нами вообще ничего нет. Даже не поговорил с ней ни разу. Но, с другой стороны, я её, наверное, любил. Любил без ответной любви.

И вот сегодняшняя встреча. Она меня привела в какой-то шок. Дядя Петя сказал, что я Людочке нравлюсь. С чего бы это? Её предложение вечером встретиться... И тут я вспомнил о причине, которая меня привела в райвоенкомат. О предложении дяди Пети. Мысли мои переключились на новую тему. Военное училище, военный лётчик. Как далёк я от всего этого. Но почему бы и нет? Ведь есть много самолётов, и военных, и пассажирских, на которых летают лётчики. Они чем-то отличаются от меня? Пожалуй, нет. Такие же парни, как и я. Так почему бы мне не стать одним из них? Вылезаю я из самолёта в красивой форме лётчика – правда, я форму лётчика ни разу не видел, но думаю, что она очень красивая, – и меня встречает у самолёта Людочка. И мы, обнявшись, вместе идём куда-то. Красота. Людочка обязательно меня полюбит в такой форме. Так незаметно я подошёл к своему дому. Мама дома не было. Я пообедал и вышел во двор полежать на кровати. Кровать стояла на улице за домом в яблоневом саду. Она была очень старая и очень крепкая. Сколько я себя помню – кровать была всегда. Летом мама стелила на неё соломенный матрац и укрывала одеялом. Я всегда любил лежать на этой кровати и думать. Полежу, подумаю о самолётах, о Людочке. Лёг и быстренько заснул. Не успев даже начать думать.

Вечером, когда уже начало смеркаться меня разбудила мама. «Павлик, пошли ужинать. Уже вечер. Ты что, весь день проспал? У тебя через неделю сочинение, ты не забыл?» – мама была в своём репертуаре. Конечно, не забыл. Да я и не здорово переживал по поводу экзаменов, особенно сочинения. Свои четвёрки, а если повезёт, то, возможно, и пятёрки я получу по всем экзаменам. А особенно по сочинению, ведь проверять мою писанину будет мамочка. Хотя она много раз меня предупреждала, что отнесётся к моей работе строже, чем к работам моих одноклассников. И я в этом не сомневался. Но я знал и то, что мои знания литературы и русского языка были не хуже, чем у одноклассников, а может, даже и лучше. Прожить всю свою жизнь с учительницей – что-то да значит.

Сели за стол, ужинаем. Мама спрашивает, встретился ли я с Петром Сергеевичем, зачем он меня звал? У меня ёкнуло внутри. Нужно обсудить и принять решение. Я маме достаточно подробно всё рассказал. Она внимательно посмотрела на меня и говорит: «Сам-то что думаешь, Павлик?»

– Даже не знаю. Как-то всё очень неожиданно.

– Как я понимаю, ты сам до конца ещё не знаешь, кем хочешь быть.

– Думал стать связистом, а теперь не знаю. Но лётчиком – никогда даже мыслей не было.

А тем более военным.

– Мы многое не знаем, что будет впереди. Но приходит время, и нужно делать выбор. Ты, сынок, уже вырос, и настало твоё время принимать решение.

– Да, я понимаю, но как-то всё неожиданно.

– В жизни так часто бывает, Паша.

– Мама, я честно не знаю, что мне делать, но дядя Петя дал на размышление три дня; день уже, считай, прошёл.

– Паша, давай думать так. Тебе семнадцать лет. Если ты поступишь в военное училище, окончишь его, тебе будет двадцать один. Вся жизнь впереди.

– А если не поступлю?

– Пётр Сергеевич сказал, что если ты поступаешь по разнарядке от военкомата, то у тебя очень большие шансы.

– Ну а если всё-таки не поступлю?

– Не поступишь – вернёшься и пойдёшь в свой институт связи. Экзамен, как сказал Пётр Сергеевич, в училище в июне, а в гражданских вузах – в августе. Так что ты, Паша, ничего не теряешь.

Я задумался, мамины слова меня несколько успокоили. Почему бы не попробовать? Не поступлю в военное, поступлю в связь. Провалю в связь, пойду работать в колхоз. А следующей весной в армию. А что будет потом, загадывать уже не стоит. Так мы с мамой и порешили.

– Завтра пойди к Петру Сергеевичу и скажи, что согласен, – сказала мама. И тут я вспомнил о нашей встрече с Людочкой. Часы показывали почти семь. Она, наверное, уже вернулась с работы, а меня на улице не было, – подумал я. От этой мысли меня бросило в пот, который липкой струйкой потёк по груди.

– Паша, что с тобой?

– Ничего, пойду прогуляюсь.

– Пойди, Пашенька. Там Людмила уже несколько раз заглядывала к нам во двор. Не тебя ли выглядывает? – улыбнулась мама.

Меня снова бросило в краску, и я пулей вылетел на улицу. Там никого не было. Я не спеша пошёл в сторону её дома, стараясь не заглядывать во двор и окна. И, уже проходя мимо, услышал: «Паша, привет».

Я остановился, потихоньку развернулся и подошёл к её калитке. За калиткой стояла Люда и смотрела на меня.

– Привет.

– Ты не спешишь?

– Да нет.

– Пойдём пройдемся?

– Давай.

Люда вышла, закрыла за собой калитку на задвижку и взяла меня под руку. Кровь прихлынула к моему лицу. Хорошо, что было уже темно и, надеюсь, моей краски Люда не заметила.

– Ты чего трясёшься, боишься меня?

– Чего мне тебя бояться? – несколько грубовато ответил я.

– Вот и я думаю, чего меня бояться? – и она плотнее прижалась к моей руке.

Тут, как на грех, вышла из своего дома тётя Тамара, мамина подруга. Она посмотрела на нас, улыбнулась и сказала: «Добрый вечер, Людмила, добрый вечер, Паша. Мама дома?»

Я готов был провалиться сквозь землю: «Дома», – буркнул я в ответ, и мы пошли дальше.

– Какой ты ещё маленький, Паша, – Людмила хихикнула и ещё крепче сжала мне руку выше локтя. Несколько шагов мы прошли молча. Я посмотрел на Людмилу. Оказывается, теперь я был на голову выше её и в плечах пошире. Не то что несколько лет назад в пионерлагере.

– Паша, ты хорошо подумал над предложением Петра Сергеевича?

– Да, подумал. Мы с мамой решили его принять.

– Пашка, ты молодец. Это так здорово – быть военным, а особенно лётчиком-истребителем.

– Не знаю, не пробовал.

– Поверь, Пашенька, мне, я в этом уже что-то понимаю.

– Люда, а как ты попала в военкомат?

– Пётр Сергеевич – старый знакомый моей мамы. Когда она совсем запилась, я заканчивала десятый. Пётр Сергеевич пришёл к нам, и мы долго разговаривали. Уехать куда-нибудь учиться я не могла. Мамка бы совсем без меня пропала. Идти работать в колхоз не очень хотелось. Пётр Сергеевич предложил мне работу в военкомате секретарём. Я съездила на курсы, аттестовалась и теперь служу в военкомате.

– Как это – аттестовалась? – спросил я.

– Просто. Приняла присягу и стала военнотружущей.

– У тебя и звание есть?

– И звание, и форма. Я рядовая советской армии, – Люда засмеялась, – а форму ты видел.

– Я тебя никогда не видел в форме на улице.

– А я никогда в ней по улице не хожу. Зачем смущать односельчан? Переодеваюсь в военкомате.

– Люда. Мне страшно уезжать из дома. Как мама будет без меня?

– Пашенька, мужчины всегда покидают родительское гнездо. Кто раньше, кто позже. Тебе, видно, суждено покинуть его в семнадцать лет. Тебе ведь уже есть семнадцать?

– Да, ещё зимой исполнилось.

– Вот видишь, ты уже совсем взрослый.

Незаметно для себя мы сделали круг по посёлку и снова подходили к нашим домам.

– Не переживай, Паша, езжай спокойно. Я присмотрю за Верой Николаевной. Учись, а я буду ждать тебя.

– Как ждать? – у меня перехватило дыхание.

– Как девушки ждут своих парней. Ты ведь хочешь, чтобы я была твоей девушкой?

Я полностью лишился дара речи. И вдруг я почувствовал на своей щеке губы Людочки. Она меня чмокнула в щёку и побежала домой. Калитка быстро открылась и закрылась. Я ничего не успел сказать ей вслед. Побродил несколько минут около дома, чтобы дыхание успокоить и вернуть нормальный цвет своему лицу.

На другой день с утра я как штык стоял возле старенького одноэтажного дома, с выкрашенным в зелёный цвет штакетником. Здание райвоенкомата было открыто, но я не заходил. Вчерашний поцелуй не давал мне покоя. Я видел через открытое окно Людочку. Она что-то печатала на машинке. Наконец, набравшись смелости и придав себе независимый вид, я вошёл.

– Люда, привет.

– Привет, Пашенька. А Петра Сергеевича сегодня не будет. Я ему передам, что ты согласен.

– А... – попытался что-то сказать я, но Людочка меня перебила, – а мне сейчас жутко некогда. Пока.

– Пока.

А дальше дела с выпускными экзаменами и медкомиссией меня полностью захватили. Целыми днями я мотался из военкомата в школу, из школы в поликлинику и снова в военкомат. А вечерами были встречи с Людочкой. Уже никого не стесняясь, мы гуляли по посёлку, ходили в клуб смотреть кино, жарко целовались у её калитки. Время пролетело незаметно.

И вот я сижу дома с Людочкой, и мы вместе разбираем толстый пакет с документами для поступления в Краснодарское военное училище лётчиков. Там и медицинская карточка, и аттестат о среднем образовании, и различные справки, и характеристики. А самое главное – билет на поезд, который уходит из соседнего посёлка через три дня. Вернувшаяся из школы мама присоединяется к нам и разглядывает документы. В глазах её грусть и даже где-то слёзы,

хотя она старается не подавать вида. Весело, даже излишне, она шутит, треплет меня по голове. Но я чувствую, что ей несладко.

Последние три дня мама на работу не ходила, Людочка тоже отпросилась, Пётр Сергеевич разрешил ей помочь мне со сборами. Я занимался хозяйственными делами: поправил дверь в сарае, опрыскал все яблони в саду, да и вообще переделал кучу всяких дел. Мама занималась тем, что собирала мне вещи в дорогу, а Люда готовила еду в поезд. Кончилось это тем, что вещей набралось на целый чемодан, а продуктов хватило бы недели на две. Под громкие возражения двух женщин я убирал ненужные мне вещи и продукты. Оказалось, что у нас с мамой не было чемодана – никуда мы с ней не выезжали. Люда притащила свой. Хорошо, что он оказался маленьким, и вопрос с вещами решился очень просто. Но с продуктами на дорогу они оказались сильнее меня, и мне пришлось загрузить полную сетку.

И вот настал последний вечер перед отъездом. Поезд уходил на следующий день почти в обед. Вечером собрали застолье. Были мы с Людочкой, мама, пришла её подруга тётя Тамара, пришёл Пётр Сергеевич, два моих друга из класса, а также неожиданно пришла тётя Дуся, Людочкина мать. Спиртного за столом не было. Мы с мамой никогда не употребляли, тётя Тамара тоже. Мама предложила налить Петру Сергеевичу и тёте Дусе, но Пётр Сергеевич решительно отказался. А Люда так посмотрела на свою маму, что та тоже отказалась. Мои друзья помялись, но тоже отказались. Так что ели пельмени с бульоном, пили холодный домашний квас, потом был чай с тортом, который испекла Люда. За столом я увидел, что между дядей Петей и тётей Дусей происходит какой-то молчаливый разговор. Они ничего не говорили, но постоянно обменивались взглядами. Люда потом рассказала, что когда-то давно они были женихом и невестой. Потом Пётр Сергеевич уехал учиться в военное училище, Людочкина мама его не дождалась, вышла замуж за другого, потом и они разошлись. Так что Люда с тётей Дусей, как и мы с мамой, жили вдвоём.

На другой день я проснулся рано, но мама была уже на ногах и готовила мне завтрак. Мы не успели поесть, как к нам пришла Люда. Она была какая-то серьёзная и неразговорчивая. Глаза были усталые и, наверное, заплаканные. Как я понял, она не спала всю ночь – прорывала в подушку. Мне тоже было как-то невесело. Пошли втроём на автобусную остановку. Встречавшиеся нам по пути сельчане здоровались и желали счастливого пути. Уже практически все знали, что я еду поступать в военное училище и что мы с Людмилой теперь «жених и невеста». У автобуса мама прижала меня к себе и сказала, чтобы я о ней не беспокоился, а думал больше о себе и о предстоящих экзаменах. «Я не желаю тебе, чтобы ты скорее возвратился. Скорее – это значит провалиться на экзаменах. Вернёшься на каникулах после первого курса, это не так и долго», – и заплакала. С Людочкой я не прощался, она ехала со мной до станции. Мама меня поцеловала и пошла домой.

Когда приехали на станцию, мой поезд уже стоял, и до отправления было минут пятнадцать. Мы быстро нашли мой вагон, и я занёс в него свой чемодан и сетку с едой. Нашёл своё место и положил всё на полку. Вышел. Людочка стояла у вагона, она была готова разреваться. Я ей сказал тривиальное: «Жди меня, и я вернусь». Она захлопала носом и сказала в ответ: «Я тебя буду ждать следующим летом. Обязательно, любимый. Я буду ждать тебя на этой станции, только ты сообщи, когда будешь ехать. Не забывай меня». Поезд загудел и потихоньку тронулся, мы ещё раз быстро поцеловались, и я заскочил в вагон. Рассовал свои вещи под полку и залез на пустую верхнюю. Лёг и моментально уснул. Проснулся под вечер. На душе было мутно – мама осталась одна, Людочкины поцелуи жгли мне губы, я ехал неизвестно куда и зачем. Постепенно я расслабился, спустился с полки, поужинал с попутчиками и снова залез наверх. Ночью уснуть не смог. Вспоминались горячие Людочкины губы, её упругая грудь, которую я прижимал своей ладонью через платье. Её широко открытые глаза цвета кофе. Её запах. За этот месяц, как мы с ней стали встречаться, она стала для меня родным и любимым человеком.

Чем дальше я отъезжал от дома, тем быстрее ослабевала тоска по маме, по дому. Реже вспоминалась Людочка. Тем больше я думал о том, что меня ждёт впереди. Какие у меня будут друзья, как я буду сдавать экзамены, как буду учиться. И чем ближе я был к пункту назначения, тем сильнее начинало биться сердце в предвкушении нового.

Глава 4

И вот я в Краснодаре. Документы сдал в приёмную комиссию, получил талончик на проживание в общежитии, которое находится в городе. Дело в том, что курсанты первого и второго курса живут в казарме на территории училища, а курсанты старших курсов живут в общежитии в городе. Абитуриентов также селят в общежитие. Поселили меня с одним парнем из Подмосковья. Зовут его Серёга. Парень приехал из какого-то военного городка, где его отец служит лётчиком. И дед Серёги тоже был лётчиком. Короче, династия. Комната, где нам предстояло прожить две недели, принадлежала четверокурсникам, которые сейчас разъехались на каникулы. Все стены комнаты были обклеены фотографиями военных самолётов. Серёга в них разбирался досконально. Сразу же по фотографиям он называл модель самолёта, его данные, где его построили. Именно построили, а не сделали или собрали, как я думал. Я против Сергея был полным дилетантом. Я не знал практически ни одного названия самолёта. В течение первой недели шли консультации по различным предметам. Большинство парней были из военных гарнизонов, где служили их родители. Они быстренько сбились в группу. Интересы у всех были чётко выражены – авиация. В своём коллективе постоянно обсуждались модели самолётов, двигателей и прочей авиационной техники. Я был среди них гадким утёнком, с которым не о чем было общаться. Мои родители не служили и не летали. Сам я ни разу не был на аэродроме.

Самым первым экзаменом было моё здоровье, вернее, годность к лётному обучению. Из нашей группы в 40 человек семерых сразу отбраковали. Я же, хотя никогда не занимался целенаправленно спортом, прошёл. Отжимался от пола, крутил велосипед, после чего у меня сразу мерили пульс и давление. Крутили на вращающемся стуле – всё было хорошо. На медкомиссии пролистали мою медицинскую карточку, посмотрели рентгеновские снимки и результаты тестов. Затем без вопросов поставили печать «Годен». Сергей же, против всех ожиданий, не прошёл. Что-то у него было не так с сердцем. Он рвал и метал. Кричал, что найдёт управу на этих коновалов. Что у его отца большие связи в министерстве, что они никуда не денутся и зачислят его, как миленькие. Но несмотря ни на что, через два дня его в комнате уже не было. Далее я жил один. Остальные экзамены я сдал без проблем на все четвёрки, а за сочинение получил даже пятёрку, о чем немедленно написал домой маме. Затем было собеседование с каким-то полковником. Он долго читал документы, которые собрались в папочке с завязками. Потом молча разглядывал меня. Я ни капельки не волновался. Мне было всё равно, поступлю я или нет. Хотя, если честно, мне поступать уже не очень хотелось – я чувствовал себя чужим среди этих знатоков авиации. И подозревал, что так чужим и останусь. Затем полковник спросил меня, откуда я, кто мои родители. Я спокойно и обстоятельно отвечал. Потом он спрашивает, почему я решил стать лётчиком, ведь у меня нет ничего, что бы меня связывало с авиацией. И я, не успев подумать, отвечаю, что это военком, знакомый моей мамы, посоветовал. Полковник стал снова рыться в папочке. «И всё-таки, почему вы решили стать лётчиком, и не просто лётчиком, а лётчиком-истребителем?» – повторно спрашивает он. Я немного подумал и отвечаю: «А почему бы мне не стать лётчиком, первым лётчиком-истребителем из нашего села?» Полковник ухмыльнулся и говорит: «А в самом деле – почему бы вам не стать лётчиком? Учитесь, потом посмотрим».

Так я был зачислен курсантом. Через пару дней нас перевели в казарму на территории училища. Выходить в город было нельзя. Нас переодели в военную форму курсантов. С курсантскими погонами с голубым фоном и большой золотой буквой «К». Занятия в училище, впрочем, как и во всех учебных заведениях, начинались с сентября. Так что до сентября мы занимались как солдаты. Учили уставы, занимались физической и строевой подготовкой. А ещё ремонтировали казарму: красили стены, натирали полы воском, чистили двери и окна. Короче, дел хватало, грустить о доме было некогда. Так что мечтали, чтобы скорее начался сен-

тябрь. Думали, будет полегче. Ничего подобного. Просто к этой работе, к которой практически привыкли, добавились занятия в классах. Физика, химия, история, русский язык и литература, математика. Все парни приуныли. Они ожидали чего-то авиационного, а здесь как в обычной школе. Тем более что большинству курсантов, которые приехали из военных гарнизонов, все эти занятия давались с трудом. Для меня же всё это были «семечки». Я без напряжения писал контрольные работы, сочинения, сдавал зачёты. Так что довольно быстро я выбился в лучшие курсанты. Если бы не физическая подготовка. Вот где была моя головная боль. Я достаточно неплохо бегал короткие и длинные дистанции, но вот занятия на перекладине мне упорно не давались, и я постоянно был предметом насмешек своих сокурсников, когда «сосиской» висел на перекладине и не мог сделать ни одного подъёма с переворотом. Начал заниматься штангой и добился неплохих результатов, но перекладина мне так и не сдалась. Зато почти все мои однокурсники легко делали и подъём с переворотом, и выход силой, и, даже крутили «солнышко». Надо мной подтрунивали и говорили, что для лётчика-истребителя перекладина – главный снаряд. Я понимал, но ничего поделать не мог.

Прошёл первый семестр. Из нашей эскадрильи отчислили двух парней за неуспеваемость, несмотря на то, что они лихо справлялись с перекладиной. Я же числился в лучших учениках, по всем предметам у меня были отличные оценки, и только по физподготовке стоял твёрдый трояк. Перед началом второго семестра у нас были каникулы, одна неделя. Мы отдыхали. Не было никаких занятий. Давали увольнительные в город. Я тоже сходил один раз, и мне больше не хотелось. Делать в городе было нечего. Печальное зрелище – южный город зимой. Снега нет, кругом одна грязь, дожди. Короче, Краснодар не понравился. То ли дело у нас в Казахстане, в моей родной деревне. Зима так зима, со снегом, с морозом. Лето так лето – жара. Друзьями я так и не обзавёлся. В своей эскадрилье я был белой вороной. Во-первых – отличник, во-вторых – слабак. Ну и, самое главное, я ничего не знал ни об авиации, ни о самолётах. Общался только с одним парнем. У нас была одна кровать. Он спал на нижнем ярусе, я – на верхнем. Олег, так его звали, тоже был слабо знаком с авиацией. Его отец работал на заводе, где строили самолёты. По общеобразовательным дисциплинам у него были не очень твёрдые четвёрки, по физподготовке, как и у меня, – твёрдая тройка. Он поговаривал, что зря поступил в лётное, и планировал после первого курса уйти из училища, поступать в нормальный технологический институт. Затем работать на заводе, как его отец.

Однажды, когда мы с Олегом отказались от увольнительной по причине дождя, сидели в комнате для курения и разговаривали про всякую всячину, вошёл дневальный и сказал, что меня вызывает к себе начальник училища. Я быстренько привёл себя в должный порядок, подтянул ремень, застегнул воротничок и отправился в штаб. Дежурный по штабу завёл меня в кабинет к начальнику. Начальника училища я видел только несколько раз на разводе. В кабинете сидел ещё тот самый полковник, который принимал меня в училище, и командир эскадрильи.

- Курсант Колокольников по вашему приказанию прибыл, – отрапортовал я.
- Проходите, курсант, присаживайтесь. Как дела, как учёба? – спрашивает начальник.
- Всё хорошо, товарищ полковник, – отвечаю я.
- Вижу, почти отличник, вот только физподготовка подкачала.

Тут в разговор вступает полковник, который принимал меня: «Валерий Анатольевич, считаю курсанта Колокольникова неперспективным. Учится хорошо, спору нет, но вот вряд ли он сможет стать лётчиком-истребителем. Не тот характер. Да и физподготовка не удовлетворительна. Я считаю, что будет лучше, в первую очередь для курсанта, если мы его отчислим сейчас, а не на третьем курсе, когда начнутся полёты».

Меня как будто окатили из ушата холодной водой, по груди потёк липкий пот.

– А вы, старший лейтенант, что думаете? – спрашивает начальник училища у командира эскадрильи.

– Я согласен с товарищем полковником. Курсант Колокольников физически слаб, сомневаюсь, что за два года он наберёт нужную форму. Ещё есть проблемы общения в казарме, как-то он не влился в коллектив эскадрильи, друзей нет, ходит особнячком.

– Понятно, Павел Колокольников. Поймите и нас. Обучать неперспективного курсанта мы не можем. Положим, вы сможете подтянуть физподготовку и закончить училище. И стать неперспективным лётчиком. Вам не будут доверять. Движения по службе не будет, – он замолчал и внимательно разглядывал меня. Через минуту продолжил: – Павел, у меня есть к вам предложение, уж коль скоро вы решили стать лётчиком. Мы можем перевести вас в другое училище, где готовят не истребителей, а лётчиков военной транспортной авиации. Недавно звонил мне мой друг, начальник училища из Балашова. У них сложился недобор по первому курсу, и он просил прислать курсантов, которых мы считаем неперспективными истребителями. Дело в том, что в Балашове готовят лётчиков в военно-транспортную авиацию. У них значительно ниже требования к физподготовке, но выше к математике и физике. Павел, если вы твёрдо решили стать лётчиком, и не просто лётчиком, а военным лётчиком, то для вас это реальный шанс. Если останетесь у нас, то вряд ли дотянете до третьего курса. Вот зачем я вызвал вас к себе. Думайте, к 18:00 дайте ответ. Если согласитесь с нашим предложением, то завтра вас оформим, и послезавтра выезжаете в Саратов. Занятия начинаются через три дня. Можете быть свободны.

– Есть, – отчеканил я и строевым шагом вышел в коридор.

Вернулся в казарму, Олег ждал меня: «Ну что, зачем вызывал?» Я ему всё подробно рассказал.

– И раздумывать тут нечего, соглашайся, – с ходу сказал он, – ты же сам понимаешь, не быть тебе истребителем. Замордуют на физподготовке. Ты сравни себя хотя бы с тем же Русланом: на перекладине он бог, одни пятёрки. И не важно, что по математике и физике у него натянутые тройки. Пойми, для истребителя главное здоровье, а не таблица умножения. А транспортники – это же совсем другое дело. Расчёты курса, загрузки. Полёты по несколько часов. Там головой думать нужно, а не мышцами.

– Хорошо, Олег, дай мне немножко подумать самому.

Я вышел во двор части, прошёлся под мелким и нудным дождём по плацу. Я понимал, что я учусь не своему делу. Ну какой из меня лётчик, тем более истребитель? Поступил по инерции, учусь по инерции, а хочу ли я этого? Вот вопрос. Я видел много фотографий истребителей. У самолётов, в кабине. Это всё сплошь коренастые крепкие парни с открытыми улыбающимися лицами. Примерно такие, как Руслан. А я? Тощий, высокий и хилый. На перекладине подтянуться толком не могу. Также вспомнил фото лётчиков из транспортной авиации. Стоят возле громадного самолёта. Атлетами их не назовёшь, есть даже у некоторых брюшко. А один вообще был в очках. Представил себе прокладку курса на тысячи километров. Это какой же уровень математики должен быть? Так мало-помалу я себя убедил, что мне прямая дорога в транспортники. Повернул в сторону штаба. Вижу, мне навстречу идёт командир эскадрильи. Я остановился, он подошёл ко мне.

– Ну что, Паша, надумал?

– Наверное, вы все правы, и я согласен на перевод.

– Молодец, Паша. Верное решение. Ты пойми меня правильно. Передо мной стоит выбор – оставить тебя и отчислить Руслана. А ведь Руслан мало того, что сам потомственный лётчик-истребитель, так он ещё и рождён быть истребителем. А ты, Паша, извини, у нас случайный попутчик. Не обижайся, но это правда. А в транспортниках ты можешь добиться большего. Всё, иди в казарму, пакуй вещи. Я сам скажу начальнику.

Отчислить Руслана. Это невозможно, он не сможет жить без авиации, не то что я. Руслан – самый взрослый парень на нашем курсе, ему уже двадцать лет. Он дважды поступал в училище и дважды проваливал вступительные экзамены. Это его последний шанс. Руслан – парень

русский, но сильно смахивает на кавказца. Нос орлиный, весь чёрный, бриться ему приходится дважды в день, и несмотря на это, он постоянно выглядит небритым. Волосы растут со страшной скоростью, и не только на лице. И спина, и грудь, ноги и руки. В общем, Руслан прямой потомок примата. Интеллектом тоже ушёл недалеко. Но что касается истребительной авиации, ему в познаниях нет равного. Мне было приятно, что я не стал для него врагом, из-за которого ему не хватит места на курсе.

Я вернулся в казарму. Олег ждал меня, вместе с ним было ещё несколько парней из нашего взвода. Они уже были в курсе событий. Видимо, Олег успел растрезвонить о моей встрече с начальником училища. «Всё, пацаны, покидаю я вас. Перевожусь в Балашовское училище», – с порога сказал я. Все сели, кто курил – закурили. Я обстоятельно всё рассказал парням. Среди них был и Руслан. Он хлопнул меня по плечу: «Решение мужчины. Спасибо», – и вышел из курилки. Вечером я сел и написал письмо маме и Людочке. Мол, у меня всё нормально, переводят в другую часть, сюда не пишите. Как устроюсь на новом месте – сразу сообщу.

Сборы были недолги. И через три дня я уже был на новом месте. В принципе всё то же самое, такая же часть на краю посёлка. Такая же казарма, такая же кровать, и опять у меня верхнее место. Но было одно существенное отличие: это зима. Настоящая, снежная с морозами и выюгами зима. Влился в учёбу я с ходу. И сразу понял – отношение к учёбе здесь другое: и преподаватели более требовательны и знания у курсантов значительно выше. Физподготовка была, но никто не смеялся, когда я никак не мог сделать свой любимый подъём с переворотом. Оказалось, что делать его из 20 курсантов нашего взвода могут всего 5 человек. Зато по успеваемости к концу курса с первых позиций я плавно переключался во вторую половину. Да и ребята тоже отличались от тех, Краснодарских ребят. Какие-то они были другие. В чём разница, понять не могу, но другие.

Глава 5

Закончен первый курс. Каникулы. За этот год воспоминания о доме как-то улетучились. Некогда было вспоминать. А сейчас, в преддверии поездки домой, всё ожило вновь. Как там мама, как моя Людочка? Как они ждут меня, как встретят? Что я им буду рассказывать?

Я лежу на верхней полке плацкартного вагона, который мчит меня по бескрайним просторам родного Казахстана, и представляю себе встречу с Людочкой. Я дал домой телеграмму с номером поезда и вагона. Меня ждут, я в этом не сомневался.

Подъезжаю к своей станции, стою в проходе с чемоданом, весь такой нарядный, в парадном мундире, и смотрю в окно на встречающих. Поезд медленно катит вдоль перрона, и вдруг я вижу идущих по перрону маму и Людочку, она бежит впереди мамы и хочет догнать мой вагон. Меня она не видит и крутит головой вслед каждому проезжающему окну. Наконец поезд остановился, я практически первым выхожу из вагона, и на меня налетает моя Людочка, виснет у меня на шее, целует. Подходит мама, и я с трудом отцепляю от себя Люду и обнимаю маму. У неё, как и у Людочки, в глазах слёзы, я тоже вот-вот расплачусь с ними за компанию. Людочка что-то мне рассказывает или спрашивает, я её не слышу и смотрю на маму. Она как-то неуловимо изменилась за прошедший год. Я замечаю у неё морщинки вокруг глаз, мама сгорбилась, и седых волос стало больше. А ведь ей только пятьдесят лет. Тяжело ей одной, без меня. Наконец сумбур встречи прошёл, я взял чемодан в руку, другой рукой взял под локоть свою маму. Людочка семенит сбоку от меня и тоже держится за ручку чемодана. Мы пошли на выход из вокзала. Оказывается, нас встречает машина – это Пётр Сергеевич дал служебный уазик для моей встречи. Мы лихо покатали по знакомой дороге, затем по посёлку. Всё как и прежде, ничего не изменилось. Подъехали к нашему дому. Зашли в комнату. Боже – это мой родной дом, где я прожил семнадцать лет. Какой-то особый запах, который мне напомнил моё детство. В зале был накрыт стол. На столе стояли различные закуски, накрытые газетами. Видимо, Люда с мамой готовились к моей встрече загодя. Я раскрыл свой, а вернее, Людочкин чемодан. Я с ним уезжал в училище. В чемодане лежали небольшие подарки, которые я купил на станции в Саратове. Маме и Людочке. Потом пошёл в свою комнату переодеться. Людочка чем-то стучала на плите, видимо, готовилось горячее блюдо. Я достал из своего шкафа брюки и рубашку. Но оказалось, что я вырос. Брюки не застёгивались на животе. Рубашка вообще не желала застёгиваться, и рукава были коротки. Вот так дела. Вошла Людочка и рассмеялась, следом зашла мама: «Ты, сынок возмужал, плечи расправились, и, наверное, подросток».

– Да не может быть, мама, – возразил я.

– Возмужал, возмужал. Стал не мальчик, а мужчина, – затараторила Людочка.

– Ладно, завтра пойдём в магазин, что-то нужно прикупить. Деньги у меня есть, – ответил я.

Пришлось остаться в военных брюках и рубашке, с которой я отцепил погоны. В дверь постучали, и сразу, не дожидаясь ответа, в комнату вошёл Пётр Сергеевич. Он был в форме, и я, по привычке, вытянулся по стойке «смирно».

– Вольно, – рассмеялся он и пожал мне руку.

Мы уселись за стол. Народу было немного. Пришла ещё тётя Тамара.

– А твоя мама, она придёт? – спросил я у Людочки.

– Нет, болеет. Запой у неё, – как-то зло ответила Люда.

Мы сидели и ели пельмени. На столе стояла бутылка водки. Людочка налила мне и себе по рюмке. Пётр Сергеевич отказался. Отказались также мама и тётя Тамара. Мы с Людочкой чокнулись и выпили за моё благополучное возвращение. Я, не переставая, рассказывал о жизни в училище, о занятиях, о друзьях. О том, почему меня перевели в другое училище. Людочка налила по второй. Выпили за здоровье. Мама как-то укоризненно посмотрела на Люду, и я

понял её неодобрение. Людмила без умолку рассказывала поселковые новости. Она раскраснелась от выпитого и постоянно обнимала меня. Затем налила ещё. Мама сказала, что, может быть, уже достаточно водки, но Люда ответила, что сегодня такой праздник, ваш сын вернулся. Выпила сама, я пить не стал. Внутри у меня что-то произошло, настроение начало улетучиваться. Людочка предложила выйти подышать воздухом. Мы вышли во двор. Она сразу прижалась ко мне, обняла за шею и начала целовать. Не знаю почему, но мне было неприятно.

– Пашенька, ты что, не соскучился?

– Соскучился, радость моя, очень соскучился, но как-то не нужно так.

– А как нужно, Пашенька? Пойдём ко мне, мать спит, её пушкой не разбудить. Я очень соскучилась, ты даже представить себе не можешь, как мне было плохо без тебя.

– Людочка, милая, не нужно торопить события. Всё будет в своё время. А так можно только всё испортить. Я очень сильно тебя люблю, но не нужно через силу.

– Я поняла, Пашенька. И я тебя очень сильно люблю. Пойдём в дом, а то подумают невесть чего, – ухмыльнулась она, – меня и так Вера Николаевна как-то недолюбливает, что ли.

– Да нет, Людочка, она тебя любит и уважает.

Мы вернулись в комнату. Людочка налила себе ещё рюмку и молча выпила.

Тётя Тамара и Пётр Сергеевич засобирались по домам и вскоре ушли. Люда начала собирать со стола пустые тарелки и отнесла их на кухню мыть. Я хотел пойти помочь, но она улыбнулась и сказала: «Не нужно, Паша, я сама справлюсь. Иди к маме, она так соскучилась». Я вернулся в комнату. Мама собрала салаты, и я отнёс их в холодильник. Люда закончила мыть тарелки и собралась уходить.

– Я тебя провожу.

– Не нужно, Пашенька, я сама. Побудь с мамой, – и убежала.

А мы с мамой просидели допоздна. Она меня всё расспрашивала об учёбе в училище, о моих товарищах, о командирах. Я ей всё подробно рассказывал.

Мама рассказала, как дела в школе, что к ней частенько заглядывали её ученики. Особенно после того, как она рассказала им, что её сынок Павлик поступил в военное училище и будет лётчиком-истребителем. Она была классной руководительницей в выпускном десятом классе. «Девочки полы во всём доме перемыли, а мальчики дрова и уголь перетаскали в сарай», – рассказывала мне, улыбаясь, мама.

Пришло время ложиться спать. Я улёгся на свою родную кровать. Она пахла домом и мамой. Растянулся на ней и закрыл глаза. Я дома, как хорошо, и неважно, что через три недели нужно будет снова уезжать. Три недели – это так много. Незаметно для себя я заснул. И снится мне, что сижу я в кабине самолёта (правда, кабина здорово напоминает кабину ЗИЛ-130) и кручу штурвал, который очень похож на обычный, только очень большой, руль. Надо мной синее-синее небо. Ни облачка. Рядом со мной сидит моя Людочка. Она высунулась в окошко и что-то кричит. Я глянул в зеркало заднего вида и вижу маму. Она бежит за нами и машет мне рукой, чтобы я вернулся. Я посмотрел вперёд и вижу, что мы летим очень низко, буквально в метре над землёй. Под нами зелёная, аж глаза режет, трава. Я начинаю крутить руль, чтобы развернуться и подлететь к маме, но самолёт продолжает лететь вперёд. Вдруг очень сильно зачесался нос, нужно срочно почесать, но руки заняты рулём. И я открываю глаза. Надо мной склонилась Людочка, травинкой щекочет мне нос и смеётся. Позади неё стоит мама и улыбается: «Вставай, засоня, уже обед скоро». Я глянул на висевшие на стене старые ходики – точно, уже почти обед. Я классно выспался, целый год я так не выспался.

– Людочка, а ты не в военкомате? – спрашиваю я.

– А у меня сегодня отгул. Вставай, завтракаем и пойдём в универмаг за обновками. Не ходить же тебе весь отпуск в солдатской рубашке.

– Конечно, сынок, нужно кое-что купить, – сказала мама, – и я пойду с вами, если не возражаете.

– Обязательно, Вера Николаевна, пойдём все вместе, приоденем нашего солдата, да зайдём на базар, что-нибудь купим к ужину.

И вот мы – я посредине, Людочка слева обеими руками вцепилась мне в руку, мама справа, я держу её под локоть, – чинно вышагиваем по посёлку. С нами все здороваются, спрашивают, как мои дела. Тропка по посёлку хорошо утоптана – пыли нет. Солнышко светит прямо над нами, на небе ни облачка. Как во сне, который мне сегодня приснился. Настроение отличное, вчерашняя хандра пропала. Я снова вместе с мамой, а рядом со мной девушка, которую я люблю и которая любит меня.

В поселковом универмаге купили мне новые брюки и пару летних маек. Затем зашли на базар, но ничего не купили, так как всё, что там было, было и у нас дома. Дома я переоделся и стал похож на простого сельского парня. Людочка на кухне жарила картошку с салом. Мы с мамой сидели на диване, и она рассказывала местные новости. Из моих одноклассников почти никого в селе не осталось, все уехали в город, кто учиться, кто работать. Так что в посёлке осталось всего несколько человек из нашего выпуска. Но я с ними никогда дружбы не водил, так что на мамино предложение встретиться с одноклассниками я ответил отказом. Никогда у меня с ними ничего общего не было, а тем более сейчас. Мне было хорошо дома с мамой и Людочкой. Поужинали. Наступил вечер. Жара на улице спала, было тихо. Где-то мычали коровы. Весь народ выходил на улицу и рассаживался по скамейкам у заборов. Молодёжь потянулась в центр, где был клуб, в котором показывали кино, а после фильма начинались танцы. Мы с Людочкой решили никуда не ходить, а просто погулять по улице. Мама пошла к тётке Тамаре, и они вынесли табуретки, поставили во дворе у забора и сели поговорить. Прошлись с Людочкой туда-сюда и подошли к её калитке.

– Паша, зайдём ко мне. Ты ведь у меня ни разу ещё не был.

– Да неудобно, тётя Дуся, наверное, дома.

– Мама уехала к подруге, приедет завтра к обеду, так что стесняться некого и нечего.

Мы зашли в дом. Я ведь и в самом деле никогда в нём не был. Вернее, был, когда ещё бегал босоногим пацаном. Но ничего не запомнил. В комнатах стоял запах табака, видимо, тётя Дуся и Людочка курили в доме. А так было чистенько, богатства никакого. Как и в нашем доме, да, собственно, как во всех домах, в которых я бывал. Людочка повела меня в свою комнату. Комнатка маленькая, прибранная. Из вещей только шкаф и кровать. Даже стола не было. У кровати стоял стул, на котором лежали её вещи. На подоконнике стояла начатая бутылка водки, заткнутая свёрнутой газетой. Я сделал вид, что не заметил её. Людочка прижалась ко мне, и мы начали горячо целоваться. Она так страстно целовала меня, что у меня всё поплыло перед глазами. Не помню, как это произошло, но я оказался перед ней совершенно раздетым. Мои руки жадно гладили её тело, которое вскоре тоже осталось без всякой одежды. Я не понимал, что делаю, но я гладил её бедра и груди. Дыхание перехватило, я не мог сказать ни слова, и только Людочка что-то шептала мне на ухо. Я не понимал её слов, сердце бешено колотилось. Мы повалились на кровать. Перед моими глазами были её упругие груди, которые я жадно целовал. Я понимал, что сейчас происходит что-то очень запретное, что этого не должно быть, но ничего не мог поделать. Внезапно я почувствовал, что куда-то проваливаюсь, я был в Людочке. На меня нахлынула волна жара, я ничего не соображал. И вдруг меня как током стукнуло: так не должно быть. Ей должно быть очень больно, должна быть кровь. Но ничего этого не было. Людочка жадно целовала меня и прижимала к себе. Её широко открытые глаза были безумны. Внезапно по её телу прокатилась какая-то дрожь, она поняла, что со мной что-то не так. «Пашенька, мой родной, мой любимый, не останавливайся. Я тебе потом всё объясню, ты поймёшь меня и простишь», – горячо шептала она. Но во мне что-то сломалось, я не находил этому объяснения. Но чувствовал, что что-то не так. В голове звенели колокола, тело дрожало, язык распух и был сухой. Я не мог сказать ни слова. Наконец я через силу произнёс: «Почему, почему? Ты обещала ждать меня». Я поднялся с кровати и сел. Людочка продолжала лежать,

закрыв лицо руками: «Пашенька, милый, всё не так, как ты думаешь. Я тебе всё объясню. Я люблю тебя и только тебя одного». «Почему?» – вновь тупо спросил я и начал одеваться. Людочка, как была раздетая, так и подошла к подоконнику, взяла бутылку, выбросила газетную пробку на пол и сделала несколько глотков прямо из горлышка бутылки. Я торопливо вышел на улицу. Было уже совсем темно, но я всё равно боялся, что меня кто-нибудь заметит. Но, к счастью, на улице никого не было. Я быстро вошёл в свою калитку и прошёл за дом, в душ. Разделся и включил воду, которую я набирал сегодня днём. Она прогреться не успела, и меня обдало практически ледяной водой. Но я стоял под холодными струями и смывал с себя следы нашей любви. По лицу текли слёзы. «Почему она так поступила со мной?» – стучало у меня в мозгу. Внезапно мне вспомнились сальные рассказы Руслана из Краснодарского училища. Как он говорил, в их гарнизоне не было ни одной женщины в возрасте от 18 и до 30 лет, с которой бы он не переспал. Рассказывал во всех деталях, чем отличаются девушки от женщин. Я теперь окончательно понял, что я не первый у Люды, что она с кем-то уже переспала. За что, почему? Я не находил ответа. Меня начал бить озноб, и я резко выключил лившуюся на меня холодную воду. «Не хватало ещё простыть», – вдруг подумал я. Услышал мамины шаги по дорожке, она тихонько подошла к душе: «Пашенька, у тебя всё нормально?» – спросила она.

- Да, мама, всё хорошо, уже выхожу.
- Вода ведь совсем холодная.
- Не переживай, я уже иду. Иди в дом.

Мама ушла, я оделся и тоже пошёл в дом. От предложенного чая я отказался и пошёл в свою комнату. Не раздеваясь, я лёг на кровать и закрыл глаза. Подошла мама и села рядом.

– Павлик, я догадываюсь, что произошло. Не говори ничего. Сынок, пойми, Людмила тебе не пара. Забудь её. Она предала тебя.

- Ну почему, за что?? Она обещала ждать меня.

– За этот год, Павлик, она несколько раз заходила ко мне. И каждый раз от неё несло спиртным. Вокруг неё часто крутились какие-то парни. Я сама видела, как кто-то провожал её домой. Они были оба достаточно пьяны. Как возвращался тот парень, я не увидела. Наверное, он остался ночевать у неё. Павлик, выброси её из головы, я понимаю, что это непросто сделать, но это необходимо. Ты молодой, тебе ещё учиться четыре года. За эти годы много воды утечёт. Не нужно сожалеть о ней, она тебя недостойна.

- Мама, ты тётю Дусю, её маму, давно знаешь?

– Давно, очень давно. Мы вместе начинали строиться. Мы с твоим отцом и она со своим Петей. Дружили. Вместе праздновали новоселье. Потом Петю перевели – он ведь был офицером – в другую часть. Дуся должна была поехать к нему, как только он устроится. Но она загуляла. Водка, проклятая, её и сгубила. Как сгубила её отца и мать. Правда я их не знала, но люди говорили, что отец Дуси сгорел от водки, а мать зимой где-то замёрзла. Вот и Дуся начала пить, у неё появились мужики. Когда Петенька за ней приехал, они прожили ещё месяц, и вместо того, чтобы с собой её забрать, они развелись. Любил он её сильно. Вот от этой любви и появилась Людмила. Твой отец, Сергей, к той поре уже погиб, попал в аварию. Ты у нас появился поздно, мне уже было 32 года. Я ведь, почитай, на десять лет старше Дуси. А как она сейчас выглядит?

- Петя – это Пётр Сергеевич?

– Да. Хороший мужик. Если бы Дуся не пила, хорошо бы жили. Вот, сынок, что говорят в народе. Яблочко от яблоньки недалеко падает. Ой, боюсь, что Людмила повторит судьбу матери. Петя после выхода на пенсию сюда вернулся, видимо надеялся, что сможет образумить Дусю. Но поздно уже было. Спилась совсем.

– Мама, а мне Люда говорила, что у неё был другой отец, а с Петром Сергеевичем они не были женаты.

- Ну, я не знаю, зачем ей это Дуся говорила. Пётр Сергеевич её настоящий отец.

Мама поднялась: «Ладно, Павлик, тебе спать пора, я тебя совсем заговорила. Завтра работать будем, горевать не когда. Дел неспорный».

Мама вышла, а я разделся и долго не мог заснуть.

Проснулся утром рано, но мама была уже на ногах. Готовила завтрак. Сегодня она решила начать побелку комнат. Хотя, как мне казалось, этого не требовалось. Просто она решила загрузить меня работой, что бы некогда было предаваться раздумьям. Ну что ж, побелка так побелка. Мы с ней достаточно быстро управились, хотя на самом деле был уже вечер. Оставалось вымыть полы. Про Люду я сегодня совсем не думал, и только к вечеру засосало в груди. Я вышел на улицу, чтобы незаметно для мамы заглянуть в её двор – дома ли она. Но не успел я дойти до её калитки, как Люда сзади окликнула меня. Она возвращалась с работы.

– Паша, привет. Чем занимаешься?

– Да вот, в комнатах побелили с мамой, осталось полы вымыть.

– Иди домой, я переоденусь и через минуту зайду к вам, – как ни в чём не бывало сказала Люда.

Я вернулся домой и сел на стул. И точно, через минуту Люда была у нас.

– Вера Николаевна, я пришла помочь вам. Давайте я полы вымою.

– Да не нужно, Людмила, мы сами управимся.

Но Люда уже схватила ведро и пошла на улицу за водой, затем, вернувшись с полным ведром воды, она взяла у мамы тряпку и сноровисто начала мыть полы.

– Вера Николаевна, не беспокойтесь, я всё вымою, а вы лучше пока что-нибудь на ужин сготовьте.

Мама вздохнула и пошла на кухню. А я стал помогать Люде передвигать стол и стулья, менять воду, протирать мебель. Не прошло и часа, как всё было готово. В комнатах пахло свежестью, полы блестели, вся мебель сверкала чистотой. Ни соринки, ни пылинки. Мама к тому времени сварила картошку в «мундире», нарезала солонину и хлеб. Мы сели ужинать. Разговор как-то не клеился, всё больше молчали. Правда, Люда напомнила мне, что необходимо прийти в военкомат и встать на временный учёт, о чём я совершенно забыл. Я пообещал завтра с утра непременно зайти. Люда предложила, чтобы она с утра зашла за мной и мы вместе пошли в военкомат. Я согласился. Поужинав, Люда пошла домой. Ни я не вызвался её проводить, ни она не предложила этого. Мы с мамой остались одни. Быстро убрав посуду, я начал маме хвастать своим сочинением, которое я писал на курсовом экзамене и которое было признано лучшим по курсу. Мама внимательно его прочла и говорит: «Павлик, к тебе учитель словесности видимо благоволит. Сочинение хорошее, спору нет, но оценки явно завышены. Грамматика – пять. Но есть две запятые, которые он подчеркнул, а ещё есть две, которые он не заметил. И грамматическая ошибка – тоже не заметил. Так что четвёрка, и то не очень твёрдая. А по сочинению тоже есть изъяны. Тема раскрыта хорошо, но диалоги и прямая речь – так не говорили в восемнадцатом веке. Это современный стиль изложения. А тебе нужно было передать дух того времени». Она встала и подошла к книжному шкафу. Достала томик Достоевского «Идиот» и подала мне.

– Прочти, Фёдор Михайлович очень точно в диалогах передаёт манеру разговора людей разных сословий.

– Мама, да зачем мне это нужно? Всё. Русский язык и литература в прошлом. Теперь у нас будут совершенно другие дисциплины.

– А окончив училище, ты хочешь быть солдафоном или культурным интеллигентным человеком, офицером, лётчиком? Это ведь элита армии. И если ты будешь писать с ошибками, мне будет очень стыдно за тебя.

– Мама, тебе не будет стыдно за меня никогда. А «Идиота» я обязательно прочитаю. Обещаю.

Утром Люда зашла за мной, и мы вместе пошли в военкомат. Только шли рядом, а не под ручку.

– Паша, мне нужно многое объяснить тебе.

– Не надо, Людочка, всё и так понятно.

– Ничего тебе не понятно, ведь ты даже выслушать меня не хочешь.

– Мне не нужны твои объяснения, Людочка, что случилось, то уже не изменишь.

– Пашенька, я очень виновата перед тобой.

– Ничего ты не виновата, у тебя своя жизнь, и ты распорядилась ею, как тебе было угодно.

У меня своя – я тоже распоряджусь ею, как угодно мне. Извини.

– Это ты, Пашенька, извини меня.

– Людочка, человек даёт обещание и сам его нарушает. Ты обещала ждать меня и не стала. Так что при чём здесь извинения? Извиняются тогда, когда делают что-нибудь нечаянно. Ты сама сделала свой выбор.

Мы зашли в военкомат, Петра Сергеевича ещё не было. Люда достала из сейфа печать и поставила мне её на отпускное удостоверение. Я молча положил бумагу в нагрудный карман и вышел. Почему-то мне стало легко и просто. Словно камень с души свалился. Люда мне ничего не должна, я ей тоже ничего не должен. У неё своя жизнь, у меня своя. Через несколько дней я уеду учиться дальше и появлюсь здесь только через год. Время летело быстро. Днями я с мамой чем-то занимался. То дом снаружи подновили, то дверь в сарае перевесил, чтобы не цепляла пол. Вечерами я с упоением читал Достоевского. Раньше я читал что-то по школьной программе, но сейчас роман меня захватил. Я не мог оторваться и торопился закончить его, чтобы не тащить книгу с собой в училище, тем более что там читать времени особо не было. Люду ни разу за эти дни я не увидел.

И вот каникулы позади, завтра уезжать. Мама наготовила мне провианта в поезд. Я собрал вещи в чемодан. И вдруг вечером зашла Люда, она, как мне показалось, была немного навеселе. Спросила, когда я завтра уезжаю и можно ли прийти проводить меня. Я сказал – как хочешь.

Утром мы с мамой вышли из дома, я нёс чемодан, мама – сетку с продуктами в дорогу. Нас догнала Люда: «Ой, чуть не опоздала. Здравствуйте, Вера Николаевна. Привет, Паша». Мы поздоровались и пошли все вместе на автобусную остановку. На остановке я попрощался с мамой и Людой. Она, видимо, ожидала, что я ей предложу проводить меня до поезда, но я сказал ей: «Пока, будь счастлива». И всё.

Глава 6

Второй курс пролетел так же быстро, как и первый. Заниматься стало труднее, и мне приходилось достаточно сильно напрягаться, чтобы не скатиться до троек. Строевая подготовка, на удивление, мне далась достаточно легко, и меня частенько ставили в пример моим сокурсникам. Занялся спортом, получил второй разряд по бегу и гиревому спорту. Сам себе удивляюсь. Ведь я никогда раньше не занимался спортом. Письма от мамы я получал регулярно, так же быстро и отвечал. Она часто стала болеть зимой. Жалко, что помочь ничем не могу. Про Людмилу ни слова. От Люды письма тоже приходили, но редко. Она описывала поселковые новости, погоду и прочее. О себе ни слова. Письма кончались лаконичным «целую».

Затем пришло письмо от мамы, где она сообщила, что умерла тётя Дуся. Замёрзла пьяная, не дойдя до дома. Я написал письмо Люде со своими соболезнованиями, ответа от неё не получил. Пролетела зима с морозами и снегом, с марш-бросками и стрельбами. Пришла весна. Получил письмо от Люды, короткое, в полстранички. Она писала, что выходит замуж и просит меня её простить. Я послал ей открытку с поздравлением и написал, что мне её прощать не за что. Наступило жаркое и пыльное, как часто бывает в Поволжье, лето. Отпуск в этом году был коротким – 10 суток, не считая дороги.

Я вышел на своей станции. Меня никто не встречал. Сел в автобус, приехал в свой посёлок. Вышел с чемоданом. Никого на остановке нет. Быстренько дошёл до своего дома, захожу. На пороге встречает мама. Она приболела, разыгрался радикулит. Обнялись, мама поплакала.

Я зашёл в свою комнату переодеться и, о чёрт, опять всё мало. Нужно завтра идти снова покупать обновки. Сели за стол обедать. Вдвоём. Нам никого и не надо. Нам хорошо вдвоём. Мама рассказала про дела в школе. Тяжело ей уже работать с детьми, здоровье стало подводить. А до пенсии ещё почти пять лет. Я рассказал про свою учёбу. Как-то мы начали отдаляться друг от друга. Видимо, время разлуки берёт своё. Час поразговаривали, и говорить стало не о чем. О Люде ни слова. Пришла тётя Тамара. Тоже постарела, ходит как-то боком. Нога болит. Хорошо, что у мамы есть старая закадычная подруга, тётя Тамара. Я её знаю столько, сколько помню себя. Посидели-посидели, да я пошёл спать, сказал, что устал в дороге. Лёг на свою кровать. Как я по ней скучаю в казарме. Какая-то она домашняя, родная. Сплю я на ней с самого детства. Лёг – не спится. Стал строить планы на завтра. С утра сразу в военкомат, отметиться; пойду в форме, так как переодеться не во что. Затем в универмаг, купить новые вещи. Потом домой – переодеться и пообедать. После обеда нужно маму отвести в больницу, пусть посмотрят, что с ней. Вот вроде и всё. В военкомате увижу Люду... Что-то засосало в груди. Ведь я её любил, да, наверное, ещё продолжаю любить, хотя себе в этом не признаюсь. Весь год я о ней не думал, вроде бы совсем забыл. А оказывается – нет. С этими мыслями я и заснул.

В военкомат я заходил с бьющимся сердцем. Какая будет наша встреча? Открываю дверь, за столом сидит другая девушка в форме, Люды не видно.

– Здравствуйте, вам кого?

– Здравствуйте. Я прибыл в отпуск, нужно встать на временный учёт. А как вас зовут?

– Меня зовут Лена, а вы кто?

– Павел Колокольников, прибыл из училища в отпуск. А Пётр Сергеевич на месте?

– Петра Сергеевича мы проводили на заслуженный отдых, ещё зимой.

– А где он живёт? Хочу зайти поздороваться.

– Пётр Сергеевич уехал из посёлка, насовсем, дом продал. А куда, не знаю.

– А вы откуда, что-то я вас раньше не видел?

– А мы с мужем переехали из соседнего посёлка. Уже три месяца назад.

– Понятно, – ответил я и подал Лене отпускное удостоверение.

Она поставила печать, и я пошёл в универмаг. После обеда, одевшись в новую одежду, я пошёл в больницу. Мама со мной идти не смогла, она еле-еле ходила по дому – так болела спина. Я зашёл к доктору, он хорошо знал мою маму и выписал ей какое-то растирание. Я купил его в аптеке и пошёл домой. Народу на улице было мало – разгар рабочего дня, знакомые вообще не встречались. Люда тоже на глаза не попала, хоть я и не торопился заходить домой, постоял возле своей калитки. Дома я снова переделал множество разных дел. Сад наш выглядел заброшенным, много сухих веток, между деревьями трава по колено. Сухие ветки я все вырезал и сжёг. Траву выкосил косой, благо я это умел делать с малолетства. В прежние годы наш сад был очень ухоженным, мама всё лето работала в нём. Я всегда помогал. Весной сам делал обрезку яблонь, опрыскивал деревья, косил траву между деревьев. Теперь за садом ходить было некому. Что мог я сделать за десять дней отпуска? А мама уже не могла, силы не те. Заглянул в сарай. Дров и угля почти не было, всё мама сожгла за зиму. Я спросил, как быть. Она ответила, что дрова и уголь заказала в правлении и оплатила, теперь ждёт, когда привезут. На следующий день я с утра пошёл в правление к председателю и попросил всё привезти, пока я дома. Председатель обещал завтра-послезавтра всё завезти. Мою маму все в посёлке знали и уважали, поэтому в помощи никогда не отказывали. На другой день привезли и дрова, и уголь. Всё выгрузили у забора на улице. Раньше мы с мамой всё таскали носилками. Теперь мне всё это предстояло сделать одному, хотя мама настойчиво предлагала свою помощь, но я её, естественно, от этого избавил. Сказал, пусть лучше борщ варит, если может, а с этими вещами я сам разберусь. Не сегодня, так завтра всё будет в сарае. Я переоделся и начал носить дрова в сарай. Потихоньку, с перерывами, к вечеру я управился. Только собрался закрывать калитку, как слышу: «Паша, привет». Меня как током стукнуло. Поворачиваюсь, стоит Люда с каким-то мужиком. «Бог в помощь, ты давно приехал, в отпуск?» – говорит Люда. Вижу, что она крепко навеселе, так же как и её парень.

– Паша, это Коля, мой муж, а это Паша, ты про него слышал, – сказала Люда.

Мы поздоровались. От Коли несло водкой конкретно. Он улыбнулся и говорит: «А, лётчик? Первым делом самолёты, а девушки потом? Пролетел ты, Паша, своё счастье, вот что я тебе скажу», – и засмеялся. Мне хотелось ему сразу врезать, еле сдержал себя. Коля был на голову выше Люды и какой-то кабанистый. Здоровый, сутулый, но не толстый. Я ответил: «Каждому своё счастье нужно, а про чужое рассуждать не стоит». Коля набычился: «Это что, в мой огород камешек, что ли?» Смотрю, он готов к драке. Но тут вмешалась Люда: «Колян, пошли домой, у нас с тобой ещё дела есть», – и потащила слегка упирающегося мужа домой. В руке у неё была сетка, в которой лежала большая бутылка вина и банка магазинных огурцов. Они скрылись в своей калитке, а я пошёл к себе. На душе было мутно, как-то жалко стало Люду. Я зашёл в комнату, мама сразу увидела, что настроение у меня испортилось: «Павлик, что случилось?» – спросила она, хотя по её лицу я понял, что она знает, что случилось. Мама села на стул и говорит: «Павлик, не нужно о ней думать, ни к чему это. Пьёт она вместе со своим мужем. Как мать похоронила, так и пьёт постоянно. Из военкомата её выгнали, чем занимается – не знаю. Николай вроде хороший парень, работающий, тракторист, но тоже выпивает часто, председатель мне жаловался. В общем, два сапога пара. Жалко девчонку», – она вздохнула, и по её лицу потекли слезы. «Мамочка, не нужно, каждый сам выбирает свою судьбу», – попытался я её утешить. «Нет, Павлик, не всегда человек бывает кузнец своему счастью. Есть ещё такая вещь, как наследственность. Где-то на генном уровне у неё всё это было заложено. Дед умер от водки, бабка – от водки, её мать, Дуся, царство ей небесное, – от водки. Я надеялась, что гены Петра Сергеевича перебьют наследственность по материнской линии, но не тут-то было. Люда начала курить ещё в пятом классе, в восьмом я почувствовала от неё запах алкоголя. А сейчас что? Каждый божий день, как только я её увижу, она пьяная. И не дай бог будет у них малыш – кем, думаешь, он вырастет? Вот так вот, Павлик. А ты говоришь, кузнец своего счастья». Мы замолчали.

Отпуск пролетел незаметно. Пора возвращаться в училище. Третий курс жил уже не в казарме, а в общежитии. Можно спокойно ходить куда хочется, ложиться спать, когда захотелось, вставать на зарядку не нужно. Стало немного полегче. Закончились общеобразовательные дисциплины, начались специальные. Стало значительно интересней учиться. Письма от мамы приходили регулярно. Ей стало получше, реже стала болеть. Скучно ей одной, но ничего не поделаешь. Жизнь есть жизнь. Я уже никогда не смогу быть с ней. В одном из писем она написала, что у Людмилы родилась дочка Машенька. Что она уже год как не берёт спиртного в рот. С Николаем они развелись, тот спился окончательно. Может, даст Бог, образумится, возьмётся за голову. Ладно, посмотрим. Хотя что мне до этого? У неё своя жизнь. Может, бросит пить, дочку на ноги поставит.

Этим летом каникул у нас не будет. Выпускники третьего курса летом собираются на учебном аэродроме, где нужно налетать сто часов. А это, как говорят старшекурсники, немало.

Глава 7

Пролетело 5 лет моей военной службы после окончания училища. Я получил звание старшего лейтенанта. Полетал на Ан-26, правда, совсем немного: перевели на Север, на Новую Землю. Переучился на Ан-12. Север мне очень понравился. Это была хорошая школа жизни. Там я стал, надеюсь, настоящим офицером. Повзрослел, возмужал. Это было заметно даже мне самому. На Севере я стал хорошим лётчиком. Приобрёл опыт различных полётов. Летали в самых тяжёлых метеоусловиях, когда летать было нельзя. Летал и на правом, и на левом кресле. Сажал самолёт в одиночку. То есть к 1981 году я был уже достаточно прожжённым служакой и лихим лётчиком.

Начинался совершенно новый этап моей службы. Я получил назначение в Ташкент, в полк военно-транспортной авиации. Прилетев в Ташкент, я первым делом пришёл в строевую часть – нужно было стать на учёт и получить направление в общежитие. Пришёл прямо с самолёта, так как остановиться мне было негде, а часть располагалась на территории аэропорта. Дорогу мне показал ВОХРовец² на КПП³. 1981 год, весна, было тепло. Это вам не Север, откуда я прибыл для дальнейшего прохождения службы. В руках у меня был небольшой чемоданчик. Все свои вещи, нажитые за годы службы на Севере, я оставил дома, куда заезжал на несколько дней по пути в Ташкент. В строевой части мне ничего не дали – я имею в виду направление в общежитие, – а отправили к начальнику штаба. «Ещё неизвестно, где вы будете служить, есть несколько базовых аэродромов», – сказала мне женщина-майор. Таскаться по части с чемоданом было как-то неудобно, и я его оставил в кабинете у майорши. Нашёл помещение, где размещался штаб, захожу. Дежурный провёл меня в кабинет начальника штаба. Посреди кабинета стоит огромный стол, размером с бильярдный, весь заваленный бумагами, картами, схемами. У стола стоит маленький, сухонький полковник и что-то вычитывает в журнале. «Старший лейтенант Колокольников, прибыл для дальнейшего прохождения службы», – отрапортовал я. «Проходи, присаживайся», – полковник кивнул на ряд стульев, стоящих вдоль стены. Подошёл, сел, разглядываю комнату. Ремонта не было давненько. Все столы тоже завалены бумагами. Судя по столам и стульям около них, в штабе обитало человек пять. Полковник был невысокого роста, крепенький, такое впечатление, что он весь сделан из мышц, ни килограмма жира. Как рельса, подумал я. Если его ударить кулаком хоть в грудь, хоть в живот, то разобьёшь себе руку, а ему ничего не будет. Седые волосы коротко стрижены, но не лысый. Гладко выбрит, хотя, как я думаю, это сделать непросто, так как лицо изборождено морщинами. Возраст определить невозможно. Ему может быть и сорок лет, и шестьдесят. Одним словом – старый служака. Прошло минут пять, наконец полковник посмотрел на меня, подошёл и сел рядом.

- Откуда, старлей?
- С Севера.
- Север большой.
- Новая Земля, посёлок Рогачёво, аэропорт Амдерма-2, – ответил я.
- На чём летал?
- На Ан-12, вторым пилотом. В документах всё записано, они в строевой части.
- Предлагаешь мне сходить в строевую часть?
- Никак нет, товарищ полковник. Извините.
- Где ещё служил?
- В Мелитополе, но недолго.
- Откуда родом?

² ВОХР – военизированная охрана.

³ КПП – контрольно-пропускной пункт.

– Из Казахстана, из деревни.

– Родители, жена, дети?

– Холост, товарищ полковник. Есть только мама.

– Это хорошо, – задумчиво сказал полковник. – Какой налёт?

– Небольшой, около 500 часов.

– Короче, так, старлей. Есть у меня один самолёт, вон стоит на стоянке, 037, – полковник подошёл к окну, я за ним, – есть экипаж. Но нет командира. Справишься?

– Товарищ полковник, у меня нет допуска на первого пилота.

– Это не вопрос. Обкатаем, получишь.

Он снова подошёл к столу, порывшись в куче бумаг и извлёк одну из-под самого низа. Начал читать и что-то записывать в журнал. Я постоял столбом, повернулся и снова сел на стул. Полковник, кажется, обо мне совершенно забыл. Так прошло ещё минут 15. В комнату заглянул, судя по лётному комбинезону, лётчик. Поскольку на комбезах погон нет, то звания неизвестного. Полковник обернулся: «А-а, Витя, зайди-ка на минутку. Как раз думал про тебя», – полковник протянул руку, поздоровался.

– Вениаминович, давай быстрее, времени нет. Самолёт готов, экипаж на борту.

– Погоди, погоди. Вот тебе стажёр на левое кресло, старший лейтенант Колокольников, принимай, – сказал полковник.

– Да я же в отпуск ухожу.

– Вот до отпуска и откатаешь. Давай полётное задание, я тебе впишу стажёра.

Полковник взял листок и вписал меня в задание.

– Вениаминыч, может, тогда мне второго оставить дома, что-то он приустал, плохо выглядит.

– А кто полетит вторым?

– Да вот же, старлей.

– Я же ясно сказал: стажёр на левое кресло, а не второй.

– Ладно, старлей, потопали, тебе ещё комбез нужно найти и в медчасть заскочить, штампик поставить.

И Витя быстрым шагом пошагал к выходу. В прихожей на вешалке висел чей-то комбинезон, Витя оглянулся – нигде никого, снял комбинезон с вешалки и сунул мне в руки: «Прилетим, на место повесишь».

Мы вышли на улицу и бодрым шагом двинулись в сторону домика санчасти. Витя был полная противоположность полковнику. Тоже маленький, но какой-то кругленький. Чем-то похож на колобка. Когда он быстро шёл, то я боялся, что ещё чуть-чуть быстрее, и он упадёт и покатится. Зашли в санчасть, на входе сидел дежурный. Соскочил и отдал нам честь.

– Оля у себя? – спросил Витя.

– Никак нет, вышла, товарищ майор, – ответил дежурный.

Теперь я хоть знал звание своего нового командира.

– Скоро вернётся?

– Да, сказала, на минутку.

– Подождём.

– Ну, старлей, давай знакомиться, – сказал майор Витя.

Я приложил руку к фуражке и доложил: «Старший лейтенант Колокольников, Павел, прибыл с Севера для дальнейшего прохождения службы».

«Майор Кондратьев, Виктор – для своих, для тебя пока Виктор Фёдорович», – сказал майор и протянул мне руку.

Хлопнула входная дверь, и в помещение вбежала, запыхавшись, молоденькая девушка в белом халатике. Было ей от силы лет 20, а может, так показалось, потому что она была похожа

на девочку-подростка. Волосы, русые и длинные, запрятаны под медицинскую шапочку. Под халатом надеты джинсы.

– Оленька, мы тебя ждём.

– Виктор Фёдорович, вы же улетели, я вас отметила.

– Да вот вернулись за подкреплением. Знакомься, старший лейтенант Павел. Это чтобы душманам несладко было. Стажёр, ставь быстренько штампик, и мы помчались.

Оля пробежалась по мне глазами, как по пустому месту, и шлёпнула печать в полётное задание. Вообще-то я всегда вызывал какой-то интерес у дам, а здесь – ровным счётом ничего. Ладно, попозже разберёмся. Мы уже с майором почти вприпрыжку неслись к стоянке, где стоял мой любимый Ан-12, а возле него тёрлись два лётчика.

– Витя, ну на фига тебя понесло в штаб, уже бы полпути протопали.

– Игорёк, не гунди. Игорь, наш штурман, – сказал мне на ходу майор.

– Ребята, наш стажёр на левое кресло, Павел, – громко сказал майор, – прошу любить и жаловать, до отпуска мне его нужно откатать. Всё, по местам, взлетаем.

Вошли в самолёт, в кабину пилотов. Всё было мне знакомо. Экипаж был полный – пять человек. Следовательно, места для стажёра предусмотрено не было. Я примостился за спиной бортмеханика. Началась привычная подготовка к вылету, быстренько всё сделали, запустили двигатели и начали выруливать. Чувствовалось, что экипаж слётан, все знают своё дело. Довольно долго стояли на предварительном, так как самолёты регулярно взлетали и садились. Понятно, ведь аэродром был гражданским, и мы терпеливо ждали своего окна. Но вот диспетчер дал нам разрешение на взлёт, майор достаточно лихо вырулил на полосу и, не притормаживая, двинул РУД⁴ы вперёд. Так же лихо взлетели с хорошим набором высоты, и не успели убрать шасси, как он резво крутанул штурвал и с предельно допустимым креном начал выходить на курс. Мы у себя на Севере летали как-то поинтеллигентнее, что ли. Майор оглянулся на меня и, заметив, что я достаточно напряжённо смотрю на приборы, сказал: «Паша, тут летают немного иначе, чем в Союзе». Я ничего не понял. «Костя, иди в комнату отдыха, сегодня у тебя отгул», – сказал он хрупкому парнишке в правом кресле, – Паша, занимай место».

Я устроился, поставил ноги на педали, пристегнулся.

– Второму принять управление.

– Есть, – ответил я, – второй управление принял.

– Первый управление отдал. Курс 160, высота 8.200.

– Есть курс 160, высота 8.200.

Автопилот был выключен, пилотировал вручную, удерживая курс, высоту и скорость. Это я умел делать неплохо. Почему не даёт команду на включение автопилота? Видимо, хочет проверить меня на технику пилотирования. Проверяй, не жалко. Техника у меня была на высоте.

Я повернулся к командиру: «Виктор Фёдорович, куда летим-то?»

Сзади кто-то ехидно заметил: «Стажёр не знаком с заданием?»

«Город Кабул, Демократическая республика Афганистан. Где Советский народ оказывает дружескую помощь братскому афганскому народу, за что братский афганский народ долбит что есть мочи советских солдат», – спокойно сказал майор. Видимо, я здорово изменился в лице, и майор добавил: «Паша, мой совет. Не думай о политике, от этого башку сразу снесёт. Думай о полёте, о том, как тебе это самую башку, а также головы ещё пяти членов экипажа, в целости и сохранности домой вернуть. Через полчаса перелетим границу, где каждая сволочь только и думает о том, как бы тебя сбить».

Все молчали – может, меня стеснялись, может, уже всё выговорили. Я глядел вперёд. Облачность, которая была достаточно плотной при взлёте, рассеялась. Впереди показались

⁴ РУД – рычаг управления двигателем.

горы. Этот вид меня заворожил. Никогда мне не приходилось летать над горами. Чёрные глыбы хребтов со снежными верхушками наползли на нас. Казалось, что они будут выше нас, и мы не сможем перелететь через них, но каждый раз очередной хребет оказывался ниже, и мы спокойно его пролетали. Правда, спокойным полёт уже назвать было нельзя: нас достаточно хорошо трепал ветер. Я пытался заглянуть вниз, в ущелье, и не мог увидеть его дна.

– Управление передать первому, – вернул меня в кабину голос майора.

– Есть.

– Первый управление принял.

– Второй управление передал.

– Экипаж, начинаем снижение. Паша, руками ничего без моей команды не трогать. Руки со штурвала сними, ты пока не знаешь, что ими делать. «Может, Костю разбудить?» – раздался сзади голос бортмеханика. «Не стоит, справимся, да, Паша? Всё только по моей команде». Штурман Игорь спросил: «Афганская посадка?» «Нет, всё нормально, горы чистые», – ответил ему радист. Я опять не понимал, что значит «горы чистые» и «афганская посадка». Потом спрошу. За окном быстро темнело. Мы летели по ущелью достаточно быстро, быстрее, чем положено по Наставлению. Впереди ничего не было видно. И только силуэты тёмных гор по бокам. Скорость снижения была тоже достаточно большой. И вдруг впереди, там, где мгновение назад ничего не было, засветилась дорожка огней – ВПП⁵.

– Шасси, закрылки полностью, – раздалась команда.

Я быстренько перевёл рукоятку шасси на выпуск, и как только загорелись лампочки «Шасси выпущено», перевёл рукоятку закрылков на максимум. Самолёт как будто упёрся в вату. Я повис на ремнях. Игорь бодро читал высоту и скорость. Я не успевал соображать, много это или мало, как мы бойко ударились о бетон и быстренько покатались по полосе.

– Паша, тормози.

Я плавно нажал на педали. Глянул вперёд. Быстро приближались огни торца полосы, а мы всё ещё бодренько катились. Я ещё сильнее нажал на тормоза.

– Тормози, тормози, – прокряхтел майор, – сумел разогнать, теперь сумей остановить.

– Не понял, Виктор Фёдорович?

– Я сказал, шасси и закрылки.

– А я что?

– А ты шасси выпустил, а закрылки секунд через пять.

Наконец мы остановились метрах в двух от конца полосы. Майор добавил оборотов и начал рулить на стоянку.

– Так ведь в Наставлении написано – сначала шасси, а потом закрылки.

– Ты, Паша, Наставления выучи и забрось куда подальше. У нас здесь свои Наставления. Написанные кровью наших погибших товарищей.

Прозвучало достаточно пафосно из уст майора, и только впоследствии я понял значение его высказывания.

Мы пошли в аэропортовскую столовку. В животе у меня урчало, да и все были голодны. Как я понял, у экипажа это был третий рейс без перерыва. Быстренько проглотив макароны с котлетами, мы вернулись к самолёту. Возле грузового люка аккуратными штабелями стояли одинаковые ящики. Оружие, наверное, – подумал я. И только подойдя ближе, при свете фар, я увидел на ящиках фамилии.

– Это что, Виктор Фёдорович? – робко спросил я.

– Груз 200.

Я, конечно, знал, что такое груз 200, и мне стало как-то не по себе. Полный багажный отсек трупов.

⁵ ВПП – взлётно-посадочная полоса.

– Отвоевались ребята, – сказал бортмеханик.

– Вот так, старлей. Сюда живую силу, назад – груз 200, – сказал майор. Мне стало немножко жутковато. О том, что в Афганистане идёт война, я, конечно, знал. Но почему-то не думал, что на этой войне гибнут люди. Война была где-то далеко. В Союзе о ней знали мало, по телевизору в новостях практически не показывали.

Самолёт быстро загрузили солдаты, и мы получили разрешение на вылет. Была ночь. Абсолютная темнота. Кое-где по аэродрому горели лампочки, но они не давали никакого света. Огни на ВПП были тоже выключены. И только огромные, чуть мерцающие звёзды на той части неба, которая не закрывалась горами. Майор скомандовал: «Стажёр – в левое; Костя – из отгула вызываю, занимай правое, а я посплю немного. Завтра в отпуск, дел валом. Паша, если меня доведёшь целого и здорового, стажировка у тебя закончится. Пилотировать умеешь, видел. Если что, ребята помогут. А тебе нужно становиться командиром. Летать тебя научили, а вот быть командиром – этому не научишь. Либо есть эта жилка в человеке, либо нет. И тогда до пенсии будешь вторым. Всё. Не трясти и не будить», – и майор, взяв какой-то бушлат с вещалки, вышел из кабины.

Все четверо посмотрели на меня. Мне было как-то неловко. Но я по-хозяйски уселся в левое кресло, пристегнулся и думаю, с чего начать.

Но тут подал голос Костя: «Чего рты разинули? За работу, уже ночь на дворе».

Все быстренько начали щёлкать переключателями, запускать двигатели. Двигатели ровно загудели. Константин сказал: «Старлей, я сам вырулю, а то в потёмках заедешь не туда». Я кивнул. Костя вырулил на полосу, она была жутко тёмной. Фары и ходовые огни не включали. Мы стояли и ничего не делали. Минуту, две. Я уже заёрзал на своём месте. «Двигатели прогреты», – доложил бортмеханик. И тут полоса вспыхнула огнями, так что с темноты было больно глазам. Костя посмотрел на меня и кивнул. «Экипаж, взлетаем», – каким-то чужим голосом скомандовал я и толкнул РУДы вперёд. Костя положил на РУДы свою руку и вывел двигатели на максимальный режим. Бортмеханик подстраховывал его. Самолёт резво покати по бетонным плитам, штурман читал скорость. Я очутился в своей стихии. Мы взлетели, скорость росла, и её рост я компенсировал увеличением скорости подъёма. «Курс 60», – скомандовал штурман. Я не спеша повернул штурвал, держа крен в пределах 30 градусов.

– Командир, держи 45, – подсказал Костя.

– На такой скорости 30 – это максимум, – ответил я.

– Я знаю, но иначе мы можем вписаться вон в тот склон, – и Костя показал пальцем в темноту ночи.

Я не стал искать склон, в который мы можем вписаться, а просто ещё повернул штурвал, пока указатель крена не встал на отметке 45. Запищала сигнализация «Крен велик». Но скорость уверенно росла, и сигнализация вскоре выключилась. А дальше всё было как обычно, как у меня было уже сотни раз. Правда, тогда я сидел в правом кресле второго пилота, а сейчас в левом. Всё немного не так, как я привык. Но ничего, быстренько разобрались. Экипаж хорошо знал своё дело, и мы спокойненько летели. Я вгляделся в темноту ночи. Ничего не было видно. Ни земли, ни горизонта, и только звёзды были на своём месте. Спать не хотелось. Куда меня забросила судьба? Ещё вчера ночью я спал в родительском доме, где одиноко жила моя мама, где прошла вся моя жизнь, пока я не уехал в училище. Раненько утром мы с мамой пришли на автобусную остановку, и я, попрощавшись с ней и утерев ей слёзы, сел в автобус. Затем самолёт до Ташкента, и вот – не прошло и суток, как я в небе над Афганом с полным багажником страшных ящиков.

– Старлей, снижаемся, посадка в Ташкенте, на спецстоянке нас уже ждут, – сказал Игорь.

– Что за спецстоянка? – не понял я.

– Увидишь.

Сели чистенько, по-академически. Рулил на стоянку Костя. Зарулил. Несмотря на глубокую ночь, на стоянке было много народу. Грузовые машины стояли чуть поодаль. Я не понимал, что это за люди, и только когда начали выгружать ящики, до меня дошло – это же родители погибших солдат. Кто-то стоял молча, кто-то вычитывал надписи на ящиках и, найдя нужную, с плачем кидался на этот ящик. Было жутко, страшно, неприятно, и я быстро ушёл на другую сторону самолёта, чтобы не видеть этой картины. Выгрузка закончилась, все потихоньку разъехались. Бортмеханик замкнул самолёт. Майор сказал: «Всем по домам, отдыхаете двое суток. Я в отпуск».

– А мне что делать? – спросил я.

– Тебе отдыхать и к командиру. Стажировку закончил, я ему сообщу, – и майор быстрым шагом двинулся вместе со всеми.

Про меня никто не вспомнил, и я в одиночестве побрёл туда, куда пошёл экипаж. Кто они такие? Я не знал их званий, фамилий. Знал, как зовут, и то не всех. Больше ни с кем из них мне летать не довелось, так, иногда случайно где-то сталкивались: «Привет». – «Привет».

Куда мне идти, непонятно. Общежития у меня нет. Искать гостиницу в городе ночью не хотелось. Можно, конечно, провести остаток ночи в аэропортовском ресторане, но настроение было не то. И я отправился в сторону домиков воинской части. Зашёл в помещение штаба. Дежурный сладко спал за столом, подложив руки под голову. Не проснулся. Я тихонько прошёл дальше по коридору и увидел стоящий у стены диванчик. Подложил под голову свёрнутый комбинезон, снял туфли и растянулся на нем. Быстро заснул. Разбудил меня вчерашний полковник. Я даже не знаю, кто он такой.

«А ты что здесь делаешь? Как слетали? Нужно было пойти в общежитие лётного состава, через три домика отсюда. Да ты же новенький, ещё ничего не знаешь», – быстро заговорил полковник. И не дожидаясь ответов, добавил: «Дуй в строевую, бери направление в общежитие, оно за территорией аэропорта, говорят, очень приличное. Короче, размещайся, обустройся, отдыхай. На всё про всё тебе неделя. В понедельник в шесть жду. Свободен».

Я в армии уже почти десять лет и прекрасно знаю, что неделя – это не семь дней, а столько, сколько скажет старший. В самом деле – сегодня раннее утро четверга, а в понедельник к шести быть в части. Ну что, не привыкать.

Этой недели из четырёх дней мне вполне хватило. Заселился, обустроился, загрузил холодильник продуктами. Всё воскресенье провёл в городе. Ташкент мне очень понравился. Таксист сразу привёз меня на Алайский базар: «Это самое главное место в Ташкенте», – сказал он. Боже, какие вокруг были запахи! На Севере, как я понял, не пахнет ничем. А тут – шашлык, плов, самса, цыплята табака. И всё это пахнет, да так, что голову сносит. Хочется попробовать всего. А ряды со свежей клубникой! Даже у нас в Казахстане её ещё не было, а тут – россыпи. Я присел в маленькой чайхане, и мне принесли пиво и цыплёнка. Обедение. Был бы живот безразмерный, я бы ещё съел и плов, и шашлык, и самсу, и чебурек. Но увы. Не лезет. Ладно, оставим на другой раз. Прошёлся по городу. Очень много деревьев и цветов. Арыки с прохладной водой. Звенят трамваи. Где-то играет узбекская музыка. Очень много молодёжи, все одеты по-летнему. Небо синее-синее. Ни облачка. Встречные девушки мне улыбаются. Благодарь.

И вдруг меня как током стукнуло. Я вспомнил страшные ящики с грузом 200. Свой полёт в Кабул, где, как сказал майор, каждый хочет меня убить. Настроение сразу резко пошло вниз. Я не мог смотреть на гуляющих людей, на улыбающиеся пары. Перед глазами стояли страшные ящики. Я быстренько поймал такси и уехал в своё общежитие.

В понедельник без пяти минут шесть я вошёл в здание штаба. Полковник был уже там. Поздоровались.

– А ведь мы не познакомились, старший лейтенант Колокольников, – сказал полковник. – Командир части полковник Васильев, Иван Вениаминович, – и он повторно протянул мне руку. – Получил о тебе отзыв от майора Кондратьева. Не припомню, чтобы стажировка закры-

валась за один полёт, – сказал полковник, – ну да ладно, поглядим, допуск будешь мне сдавать. Как тебе слеталось, как Афган?

– Да вроде всё нормально.

– Ну дай-то бог. Сколько уже ребят из полка потеряли.

– Лётчиков?

– Да, сбивают наших иногда. Взлёт и посадка – самые уязвимые этапы полёта.

– Иван Вениаминович, Виктор Фёдорович заговорил об афганской посадке, но не сказал, что это такое. Как я понимаю, особая технология посадки?

– Да. Папа, придумали наши асы, как сделать посадку максимально короткой, чтобы духи не успели развернуть свои стингеры.

– А взлёт?

– Ну тут ничего не попишешь, ракетой в небо не умчишься. Надейся только на себя, своего стрелка да вертолёты прикрытия.

Он подошёл к своему громадному столу и долго рылся, перекладывая бумаги из угла в угол. Наконец, видимо, нашёл, что искал. Подал мне общую тетрадь в клеточку.

– Это, Папа, записки наших лётчиков об афганской посадке. Кого-то уже нет, кому-то это спасло жизнь. Внимательно разберись, уверен – пригодится.

Я пролистал тетрадь. Там были графики, схемы заходов и какие-то рассуждения. Обязательно сегодня изучу.

– Куришь? – спросил полковник.

– Никак нет.

– Молодец, а я закурю.

Полковник задымил папиросой и подошёл к окну.

– Гляди, твой экипаж уже возле самолёта. Пошли знакомиться.

Я подошёл к окну и увидел на стоянке, возле Ан-12 с бортовым номером 037, несколько что-то обсуждающих между собой людей в форме.

Мы подошли к самолёту. Сбившиеся в кружок парни быстренько построились и стали по стойке «смирно». Здоровый парень с капитанскими погонами доложил: «Товарищ полковник, экипаж самолёта по вашему приказанию собран. Помощник командира – второй пилот капитан Ливанов».

– Вольно, – сказал полковник и прошёлся вдоль строя.

Стояло два офицера, два прапорщика и один сержант.

– Товарищи лётчики, представляю вам вашего командира, старшего лейтенанта Колокольникова Павла. Он прибыл с Крайнего Севера и будет служить у нас в полку. Опытный пилот, прошёл стажировку у майора Кондратьева. В ближайшее время получит допуск на первого пилота – и в полёт, – полковник подошёл к Ливанову.

Капитан Ливанов совсем не походил на лётчика. Огромного роста, этакий бугай, лицо широкое с постоянной улыбкой. «Ему бы кузнецом работать с его ручищами», – подумал я.

– Второй пилот Ливанов Алексей, в полку уже два года. Неоднократно летал в Афган. Пилот от Бога, но командиром быть не захотел – видите ли, «не моё это». Жена, куча детей, живёт в Ташкенте.

– Иван Вениаминович, какая куча, всего двое.

– А тебе сколько нужно?

– Трое.

Все заулыбались, расслабились. Полковник тоже улыбнулся и подошёл к следующему лётчику. Тот хотел отрапортовать, но полковник жестом остановил его.

– Старший лейтенант Сидоров Сергей. Штурман, опыт полётов три года. К нам пришёл неделю назад, ещё не летал, ждём вас.

«Кассир Сидоров», – ни с того ни с сего подумал я. Совершенно обычный парень, рост средний, вес средний, внешность средняя, правда, острижен наголо – это видно даже через фуражку.

Подошёл к следующему – невысокому, упитанному прапорщику.

– Прапорщик Хухрянский Максим, бортмеханик. В полку уже три года, знает самолёт на уровне конструктора. Любую неисправность голыми руками прямо в полёте устраняет. Любимец всех полковых женщин. Блин, не пойму, за что они его любят? Посмотреть не на что, – полковник хитро улыбнулся.

– Ну прямо уж не на что, товарищ полковник, – возразил Максим, – женщины знают, куда смотреть.

Все засмеялись.

– Где твоя выправка, Макс? Ведь ты же прапорщик. Знаменосец, значит. А какой из тебя знаменосец?

– Вы правы, товарищ полковник, никудышный из меня будет знаменосец. Не для этого я рождён. Вон, пусть Виталия будет у нас знаменосцем.

Все опять засмеялись.

Я внимательно посмотрел на Максима. Маленький, толстенький. Форма висит мешком, не подогнанная, видимо, он её не часто надевает. Лицо то ли небритое, то ли чумазое. Хитринка в глазах. Фуражка надета как-то лихо, на затылок, густые волосы выбиваются из-под неё. Чувствовалось в нем какая-то харизма. Скорее всего, он душа любой компании.

Полковник подошёл к следующему прапорщику. Тот стоял красный, видимо, он и был Виталий. Это была полная противоположность Максиму. Мало того, что Максим был ниже плеча Виталия, так ещё Виталий был вдвое уже Максима. Рост, скорее всего, приближался к двум метрам, хотя в плечах не более 44 размера. Короче, на роль нашего знаменосца он тоже явно не тянул. Я про себя окрестил его – горбыль.

– Прапорщик Бусов Виталий, радист. Только после школы прапорщиков. Опыта нет никакого. Не летал. Так что, старлей, тебе его вводить в строй.

Полковник остановился у замыкающего строй казаха.

– Бортстрелок, сержант Еркен, блин, фамилию никак не запомню.

– Кожахметов, товарищ полковник, – вставил сержант.

– Да, да. Кожахметов, прибыл из учебки, где полгода учили стрелять. Оценки отличные. В деле не видел. Служить у тебя будет полтора года. Если, конечно, всё хорошо будет. А будет хорошо или не будет, зависит от тебя, старлей, и всего твоего экипажа, – закончил представление полковник. – Экипаж, разойдись.

Никто никуда не разошёлся, все подошли ко мне и полковнику.

– Значит, так, ребята. 037 закрепляю за вашим экипажем. Самолёт только недавно прошёл капитальный ремонт. Но тем не менее его нужно полностью проверить, понял, Макс? – полковник посмотрел на Максима.

– Всё сделаю, Иван Вениаминович, не беспокойтесь.

– Я и не беспокоюсь. Это вы с командиром беспокойтесь. Команда на вылет может поступить в любой момент. Получить необходимые запчасти. Старлей, не переживай, Макс с Лёхой всё знают. Только подгоняй их.

– Не нужно подгонять нас, – насупился Алексей, – я не враг себе, чтобы на непроверенном самолёте в Афган соваться.

– Ну и отлично. Можете запускаться, рулить по стоянке, я дежурного предупрежу. Со стоянки не высовываться, это всё-таки гражданский аэродром.

Дни летели за днями, и я постоянно видел, как Максим с Алексеем лазили то по кабине, подняв полики, то по крылу, то под капотом двигателя. Сегодня я подошёл к самолёту, у которого был запущен третий двигатель. Алексей стоял вместе с инженером по эксплуатации и

слушали, что им кричал Максим, который был на стремянке под двигателем. Я поздоровался и спросил у Алексея, как дела. Вместо него зашумел на меня инженер-лейтенант: «Задрал твой Макс, всё ему не нравится». «Да как может нравиться, – закричал со стремянки Максим, – когда шторки заедают».

– Они у всех заедают.

– Мне плевать на всех, на 037 заедать не должны.

Я поддакнул Максиму: «Конечно, не должны». Не успел отойти от самолёта – мне нужно было зайти в штаб, – как меня догоняет Виталий: «Товарищ старший лейтенант, у нас резервная радиостанция не выдаёт нужную мощность».

– Так тащи её в лабораторию.

– Я оттащил, так прапорщик Тимофеев говорит – тащи обратно. Она только из ремонта с завода, и мы делать её не будем.

– Тащи снова. Я с ним поговорю.

– Там ещё Еркен жалуется, говорит, пулемёт влево туго поворачивается.

– Так пусть со станины снимет и хорошенько помажет. Я ещё подойду.

Зашёл в штаб, подхожу к Ивану Вениаминовичу. Поздоровались. Он чего-то улыбается: «Паша, поздравляю, пришёл приказ о присвоении тебе очередного звания – капитан». Я подтянулся и громко отвечаю: «Служу...» Полковник замахал на меня руками. «Не на плацу – орать».

– Иди в строевую, распишешься в бумагах. У них уже всё готово.

Затем задумался и говорит: «Ты, Паша, офицерский закон знаешь?» Я сразу смекнул, что к чему: «Конечно, не первый день в армии».

– Так вот, плюнь и забудь. У тебя друзья в полку есть?

– Да, мой экипаж и экипаж майора Кондратьева.

– Ну, Виктор Фёдорович в отпуске, его экипаж в командировке. Так что они не в счёт. А желающих у тебя напиться в полку найдётся немало. Уже были ходоки из фино и из снабжения. Ты, мол, Вениаминович, предупреди молодого капитана. Я их послал куда подальше, и тебе рекомендую сделать то же самое. Это друзья на одну пьянку.

Полковник стоял возле окна и смотрел, как мои проверяли двигатель.

– Да что же он делает? – закричал полковник и быстро вышел из штаба. Я за ним. Вижу, как Максим соскочил со стремянки и своей пятернёй, всей в масле и солидоле, провёл по лицу лейтенанта, повернулся быстро и давай убегать. А лейтенант за ним. «Отставить!» – громко закричал полковник, и все остановились. Максим отскочил подальше от лейтенанта и замер, а лейтенант с мазутными полосами на лице пытался что-то ответить, но не мог, его раздирал смех. Смеялись и все участники события.

– Лейтенант, в чём дело?

Вместо него быстро затараторил Максим: «Я же ему говорю, смазать нужно тросики, тогда и шторки застревать не будут. А он – ты задницу себе смажь, в туалет ходить будешь быстро, а тросики идут с завода. А мне плевать, что с завода. Я залез, смазал, а потом и его харю смазал, чтобы он обедал быстрее. Послушайте, товарищ полковник, не застревают?» Он быстро поднялся по стремянке, нырнул под капот и несколько раз прогазовал двигатель.

«Да, всё нормально», – крикнул Алексей.

– У-у, немытая чучундра, – крикнул Максим и замахнулся на лейтенанта, – три дня искал со своими бездельниками.

Все расхохотались, а лейтенант вытирал лицо ветошью.

– Значит, так, капитан, – полковник посмотрел на меня. Все замерли и тоже посмотрели на меня, – бери своих орлов и дуйте, отмечайте.

– Что отмечать? – скорчив хитрое лицо, спросил Максим.

– Ваш командир получил очередное звание.

– Ура! – закричали все и начали похлопывать меня по плечам.

– Куда дуть, товарищ полковник, у нас резервная радиостанция не работает и пулемёт туго поворачивается, – возразил я.

– Ну, с пулемётом разберётесь сами, а станцию тащите в лабораторию.

– Так таскали уже, а какой-то прапорщик не хочет принимать, говорит, из ремонта она.

– Тащи ещё раз, а Тимофееву скажи, что, если она к утру не будет работать, я ему её засуну в... он знает, куда я её засуну. Хватит болтать. Алексей, вези всех к себе, нечего пьянку в общаге устраивать. И без фанатизма. Завтра в обед всем быть на месте.

Вечер, почти ночь. Громадные листья чинары, под которой мы сидели, закрывали звёзды. Это была большая и, наверное, очень старая чинара, вокруг которой была построена большая беседка. Человек, наверное, на тридцать. По одну сторону стола сидели мои ребята да Лариса, жена Алексея. Во главе стола сидел Иван Вениаминович. По другую – двое милых пацанов. Они смотрели телевизор, который стоял тут же. Иван Вениаминович присоединился к нашей компании с час назад. Как я понял, он бывал здесь достаточно часто. Его хорошо знали детвора и Лариса. Потом я узнал, что и он и Алексей с Ларисой были из одного города – земляки. На столе стояла недопитая бутылка водки. В одном из стаканов на дне лежали две маленькие звёздочки, моё капитанское повышение. Стояла большая чашка с пельменями, которые уже почти остыли. Тарелка с солониной и тарелка с крупно нарезанным салом. Мы уже достаточно плотно поужинали, так что больше не хотелось. Много не пили. Наверное, бутылки две, которые убрали со стола. Ко мне подседа Лариса: «Павлик, можно мне вас так называть?» – спросила она. «Конечно, хотя меня чаще называют Паша. Павликом меня звала в детстве мама», – ответил я. «И я буду звать тебя Павликом. Ты ведь немного моложе моего Алексея», – сказала Лариса. Она замолчала. Лариса была под стать своему мужу, высокая, коренастая. Как говорится, кровь с молоком – и в горящую избу войдёт, и коня на ходу... Одета в простой домашний халатик, волосы длинные, заплетены в косу, которая доходила Ларисе до пояса.

– Павлик, я очень боюсь за Лёшу, как он полетит. Он уже полгода не садился в самолёт после той катастрофы. У него был сильнейший психологический срыв, я боялась даже, что его могут списать.

– Что за катастрофа? Я ничего не знаю.

– Полгода назад погиб его экипаж. Они разбились при посадке в Афганистане. Лёша случайно не был там. Они с соседом накануне разгружали машину с картошкой, и он надорвал себе спину. Утром на вылет, а он ни согнуться, ни разогнуться. Короче, его в тот полёт не пустили, заменили другим пилотом, и они все погибли. Как он переживал, это надо было видеть. Даже попал в госпиталь.

Лариса замолчала. «Павлик, я прошу тебя, пригляди за ним. Мне кажется, что он теперь боится летать. А если боится, то может наделать глупостей», – почти со слезами на глазах сказала Лариса.

– Лариса, не беспокойся. Я не позволю ему сделать никакую глупость. Всё будет хорошо, и он снова поверит в себя.

Мы замолчали, и я огляделся. Лёха о чем-то тихо разговаривал с Сергеем. Они оба были семейными людьми. Но если Лёха жил со своей семьёй в Ташкенте, то жена Сергея с двумя детишками жила у своих родителей где-то в российской глубинке. Никак не осмелится на переезд. Да и куда переезжать? Сергей за три года после окончания училища поменял пять мест службы. Дай бог, чтобы в Ташкенте остался надолго, тогда и жену с ребятами привезёт. Иван Вениаминович подсел к Лёшиным мальчишкам и что-то с ними живо обсуждал. Максим откинулся на спинку скамейки и подрёмывал. Он уже свою программу по хохмам выполнил. Виталья потихоньку что-то брэнчал на гитаре, но ни одной застольной песни у нас не получилось. Да и не хотелось. Был такой полный расслабон, что не только говорить, но и вообще ничего не хотелось. Иван Вениаминович принёс хорошую, в нашем понимании, весть. С само-

лётком всё закончили. Даже пулемёт смазали. Завтра нас поставили в план полётов. Иван Вениаминович сказал, что к вечеру вылетаем. Он полетит с нами проверяющим для ввода меня в первые пилоты. Выпили ещё по одной, чтобы количество взлётов всегда равнялось количеству посадок. Закусили салом с луком. Иван Вениаминович поднялся и начал прощаться. Пора, дескать, и честь знать. Тем более что завтра в ночной полёт. Засобирались и мы, но Лариса категорически заявила, что никуда нас не отпустит и что она постелила всем четверым на веранде, на полу. Её поддержал Иван Вениаминович, так что мы без долгих уговоров остались. А ему было идти недалеко, он жил почти по соседству. Проснувшийся Макс потребовал продолжения банкета, так что мы выпили ещё по одной и улеглись в рядок на полу.

Утром умылись из колонки, стоящей во дворе. Холодная вода быстренько привела нас в чувство. Сон и утреннее похмелье как водой смыло. Позавтракали яичницей с салом, которую нажарила Лариса. Попрощались, вышли на улицу. Скоро подошёл автобус, и мы, с одной пересадкой, доехали до аэропорта.

Пришли на стоянку как раз к обеду. Возле самолёта уже стояли машины с ящиками. Чуть поодаль сидели прямо на траве с десятком солдат. Макс взял в штабе ключи и побежал открывать самолёт. Лёха подошёл к старшему по погрузке и начал проверять документы. Серёга и Виталик спокойно стояли в сторонке. Еркен начал помогать снимать ящики с машины. Лёха его окликнул и сказал, чтобы тот занялся своим делом, и загружал боекомплект в самолёт. Еркен подбежал к машине, в которой стояли цинки с патронами и лентами для пулемёта, а также упаковки с тепловыми ловушками. Он начал сноровисто с помощью ожидающих солдат грузить их в самолёт. Часа через два погрузку закончили, и мы были готовы к вылету. Я собрал весь экипаж и отправил в медпункт на контроль, а сам зашёл в штаб за Иваном Вениаминовичем. Он уже был готов, сидел за своим столом в лётном комбинезоне и что-то писал. Я подождал минут пять, и мы вместе быстро пошли в медпункт. Мои осмотр уже прошли и сидели в беседке для курения возле медпункта. Иван Вениаминович заполнил полётное задание и отдал Ольге на подпись. Она была какая-то задумчивая и неразговорчивая.

- Оленька, как дела? – спросил её Иван Вениаминович.
- Всё хорошо, товарищ полковник.
- Не обманывай меня, я же всё вижу. Что приключилось?
- Да ничего, всё нормально, – но в её голосе были слёзы.

Я понял, что при мне она ничего не скажет, и быстренько вышел из кабинета. Иван Вениаминович вышел минут через пять, весь какой-то задумчивый. Я не стал его ни о чём спрашивать – не моё дело, если нужно будет, сам расскажет. Уже начинало вечереть, облачка на небе приобрели розоватый оттенок.

– Вы чего ещё здесь трётесь? Бегом на самолёт, пора вылетать. Разрешение получено, – прикрикнул Иван Вениаминович.

Парни подорвались и рысью устремились на стоянку. Один Макс шёл несколько вальяжно, хотя и быстро. Мы с Иваном Вениаминовичем шли не спеша, он молчал, но чувствовалось, что ему надо выговориться. Наконец он заговорил: «Жалко девушку. Хорошая, умница, но не везёт в жизни. Жениха полгода назад похоронила. Он летал в экипаже вместе с Лёхой. Они погибли. А про Алексея ты, наверное, знаешь».

- Да, Лариса рассказала. Она очень переживает за него.

– Был тут пару месяцев назад один командировочный с завода, закружил девчонке голову и улетел. И ни слуху, ни духу. А она беременная осталась. Просила его найти. Найти можно, только проблему это не решит. Найти, чтобы морду набить? Стоило бы. Но жизнь это не изменит. Так что ты, Паша, с ней поосторожней. Ты парень молодой, холостой. Не обидь её. Вижу, она тебе приглянулась.

Мы подошли к самолёту. Все были на местах, только Макс был в задней кабине. Он склонился над Еркеном и проверял, как тот уложил ленты в пулемёт и установил контейнеры с

тепловыми ловушками. Оно и понятно, для Еркена это был первый настоящий вылет. Увидев, что мы с полковником поднялись на борт, Макс вылез из задней кабины, закрыл грузовой люк и прошёл в кабину. Серёга уже залез в свой штурманский отсек и поглядывал снизу на нас. Иван Вениаминович протиснулся к правому креслу: «Паша слева, я справа; Алексей, отдыхаешь», – сказал он и начал усаживаться. Я занял левое кресло, подрегулировал под себя, хотя я уже несколько раз в него усаживался. Это я сделал, скорее всего, из-за пункта Наставления, где записано, что, заняв своё место, необходимо его отрегулировать под себя. Всё-таки летим с проверяющим. Оглянулся на Виталика – парень заметно нервничал. Это его первый боевой вылет. Полёты в школе прапорщиков не в счёт. Макс тёрся сзади и на своё место не садился. Полковник повернулся к нему: «А ты что, особое приглашение ждёшь?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.